

Ф. О. Рейгардтъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ о немъ слѣдующее. „Было ему лѣтъ подѣ 60, худощавый, ростомъ 2 арш. 12 вер.; выступалъ прямо, какъ аршинъ проглотилъ, величаво и медленно. Вздумалъ онъ жениться и по публикаціи его въ Парижскихъ газетахъ о желаніи въ соотечественницѣ найти подругу жизни, на вызовъ его пріѣзжаетъ алчущая любви много лѣтъ m-lle Laure, росту не полнѣе 1½ арш., съ предлиннымъ сгорбленнымъ носомъ. Обрядъ вѣнчанія русское духовенство—католическаго еще не было въ Харьковѣ—не согласилось совершить, но одинъ догадливый батюшка, чтобы не упустить предложенный хорошій кушъ, согласился, поставивъ ихъ въ парѣ, прочитать молебенъ о здравіи его Совиньи и дѣвицы Лавры. Изъ всего молебна они только и поняли нѣсколько разъ повторенныя ихъ имена и были вполне довольны и съ благодарностію приняли поздравленія батюшки и пожеланія имъ добраго здоровья. Любо было видѣть эту вполне другъ другомъ довольную счастливую чету. Трогательно было даже видѣть ихъ торжественно шествующихъ по улицамъ всегда подъ ручку; она въ широчайшей соломенной шляпѣ, осыняющей ея улыбающуюся сладостно фізіономію, вмѣсто мантии окутанную турецкою пестрою шалью, связанною на шеѣ маленькимъ платочкомъ. Она быстро семенила маленькими ножками и подпрыгивала, чтобы поспѣть за управляемымъ шагомъ своего супруга, съ гордостью выступающаго въ шпалетѣ, сшитомъ собственными руками его chère Laure изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, въ родѣ старинныхъ одѣялъ, и даже лѣтомъ окутаннаго шерстянымъ шарфомъ, вывязаннымъ несравненной подругой жизни.“

Конечно, во всемъ этомъ не было еще ничего дурного—были только забавныя странности, по всей вѣроятности, преувеличенныя современниками. Можно сомнѣваться, напримѣръ, чтобы Паки де-Совиньи дѣйствительно принялъ молебенъ за вѣнчальный ритуалъ.

Гораздо болѣе серьезное значеніе имѣетъ вполне пренебрежительное отношеніе къ нему студентовъ, сдумавшихъ правильно оцѣнить его вольнодумство.

„Однажды на каѳедрѣ онъ, говоритъ Ф. О. Рейгардтъ, рассказывая о своемъ chère patrie, вздумалъ доказывать разницу въ оцѣнѣ заслугъ человѣка En France et en Russie. Въ послѣдней она, по его мнѣнію, выказывается чинами, а не личнымъ достоинствомъ. En Russie, говоритъ онъ, уже по наружному виду, осанкѣ и тону можно догадаться о высокомъ или маломъ чинѣ каждаго человѣка. Это свое мнѣніе онъ начинаетъ доказывать такъ: сначала начинаетъ говорить самымъ тихимъ, униженнымъ голосомъ, въ то же время едва поднимая изъ за каѳедры голову—это губернский Secrétaire. Затѣмъ голосъ нѣсколько

повышается, голова приподнимается—коллежскій *Secrétaire*; титулярный совѣтникъ, коллежскій ассесоръ изображается такъ, что онъ привстаетъ и поднимаетъ на нѣсколько нотъ голосъ, затѣмъ онъ встаетъ, подымаетъ голову, выпрямляется, все повышая голосъ постепенно при статскомъ и дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ; наконецъ, тайный совѣтникъ задираетъ голову совсѣмъ назадъ и произносится названіе этого чина самымъ грубымъ, повелительнымъ голосомъ. Каждый чинъ аккомпанируется подобающе ему миною подобострастія или горделиваго сознанія своего достоинства“. Въ то время въ Россіи дѣйствительно доходило до смѣшного увлеченіе чинами; Паки де-Совиньи могъ осмѣивать это увлеченіе; но онъ это дѣлалъ въ такой шутовской формѣ, которая вызывала смѣхъ не только надъ осмѣиваемымъ имъ явленіемъ, но и надъ нимъ самимъ.

„Одного только не могъ себѣ, до самаго выхода въ отставку, онъ объяснить, говоритъ Ф. О. Рейгардтъ, почему всякій разъ, когда онъ входилъ въ аудиторію, заставлялъ онъ на доскѣ мѣломъ нарисованную свинью съ задраннымъ въ крендель хвостомъ—и благо ему!“ Однажды студентъ объяснилъ ему это, какъ наглядное поясненіе лекціи зоологіи—и онъ удовлетворился этимъ“ ¹⁾.

У Паки де-Совиньи, по свидѣтельству Н. И. Костомарова, частные уроки имѣли видъ правильно организованнаго беззащитнаго взяточничества, хорошо извѣстнаго и остальнымъ товарищамъ его по факультету, на которыхъ, такимъ образомъ, ложится тѣнь въ попустительствѣ. Такъ какъ этотъ наставникъ, говоритъ Н. И. Костомаровъ, по старому обыкновенію своему не преподавалъ никакой науки, а только либеральничалъ въ аудиторіи, то трудно было кому бы то ни было сдавать экзаменъ изъ преподаваемаго имъ предмета. *Заведено было*, что предъ экзаменомъ студенты ходили къ нему на домъ брать „лесоны“ и платили за каждый по красненькой (10 р. асс.); и я отправился къ нему брать лесонъ. Профессоръ даетъ мнѣ свою собственную исторію литературы и заставляетъ меня прочитать одну страничку, гдѣ помѣщалась рубрика „*De la littérature française Sous Henri IV*“. Я прочелъ и далъ ему красненькую. „*Bien, monsieur; vous aurez optime*“. Но я замѣтилъ ему, что „*optime*“ для меня мало, что для меня нужно „*éminent*“, потому что если я получу изъ нѣсколькихъ предметовъ *optime* (*optime*—очень хорошо, *éminent*—превосходно), то мнѣ не дадутъ степени кандидата; я же не надѣялся получить *éminent* изъ греческаго языка. Профессоръ на это сказалъ: *pour l'éminent il faut prendre encore une*

¹⁾ Харьковскій Сборникъ, вып. 1-й, стр. 27—28.

leson". Я далъ ему еще одну красненькую. Паки де-Совиньи заставилъ меня прочесть тоже самое, что я только что читалъ, и общалъ поставить *eminenter*; но когда я пришелъ на экзаменъ и былъ вызванъ, Паки де-Совиньи перепуталъ мою фамилію съ фамиліею другого студента и спросилъ меня „De la litterature francaise en général“. Я приостановился, а профессора, члены факультета, *знавшіе продѣлки француза*, поняли въ чемъ дѣло и начали закрывать себѣ рты отъ смѣха. Студенты, сидѣвшіе на скамьѣ сзади меня, также смѣялись. Наконецъ, постоявши немного молча, я началъ говорить ему заданный мнѣ условно урокъ о литературѣ при Генрихѣ IV. Паки де-Совиньи, какъ видно не догадываясь, остановилъ меня и замѣтилъ, что я говорю не то; я не обращая вниманія, продолжаю заученное и въ заключеніе профессоръ хотѣлъ писать мнѣ *optime*, но деканъ факультета, *знавшій все это*, шепнулъ ему на ухо, и французъ только тогда понялъ свою ошибку и записалъ мнѣ *eminenter*, насмѣшивши и профессоровъ и студентовъ¹⁾.

Въ виду предстоявшаго въ Кіевѣ открытія университета Св. Владиміра туда устремились нѣкоторые изъ профессоровъ Харьковскаго университета. Мы знаемъ уже, что въ Кіевъ долженъ былъ перейти Н. И. Еллинскій. Теперь, благодаря письмамъ, адресованнымъ къ состоявшему при попечителѣ Кіевского учебнаго округа чиновникомъ Зимовскому, мы узнаемъ подробности о переходѣ туда Даниловича и Цыха. Такъ какъ въ письмахъ этихъ содержатся кое какія данныя о личности названныхъ профессоровъ, то мы въ примѣчаніяхъ воспроизводимъ текстъ ихъ. Здѣсь же только замѣтимъ, что особенно характерны письма экспансивнаго Цыха, который вылился въ нихъ, со страннымъ смѣшеніемъ положительныхъ и отрицательныхъ чертъ. Ему и жалъ разставаться съ Харьковомъ, но здѣсь же онъ прибавляетъ, что жалѣтъ ему приходится только о нѣсколькихъ друзьяхъ, а не о Харьковскомъ обществѣ. Онъ очень заинтересованъ богатствомъ бібліотеки Кіевского университета, но въ тоже время говоритъ, что готовъ читать свой предметъ, съ какой угодно точки зрѣнія и т. п.²⁾. Любопытно и сознание

¹⁾ Литературное наслѣдіе. Спб., 1890, стр. 25—26.

²⁾ Зимовскому Цыхъ писалъ такъ.

„Я получилъ письмо Ваше, въ которомъ сообщаете мнѣ о желаніи Егора Федоровича имѣть меня въ числѣ профессоровъ университета Св. Владиміра.—Знаю, что я обязанъ этимъ Вамъ, ибо самому Е. Ф. лично я неизвѣстенъ и никто, кромѣ Васъ, не могъ рекомендовать меня ему. Вы меня чувствительно обязали, и я приношу Вамъ за то искреннюю мою благодарность.—Я отвѣчалъ Егору Федоровичу, что согласенъ перейти въ университетъ Св. Влад., если Министръ утвердитъ меня при переходѣ моемъ въ званіи экст.-ординарнаго профессора съ жалованьемъ по новому уставу, со времени вступленія въ должность. Я бы, конечно, желалъ быть утвержденнымъ прямо

ординарные профессора, но коль этого нельзя получить без докторской степени, я готовъ довольствоваться на первый разъ мѣстомъ экстр. профессора.—Впрочемъ Егору Ѳедоровичу угодно будетъ походатайствовать за меня, какъ должно, то Министръ согласится, я думаю, на все. Держать экзаменъ на степень доктора я ни не рѣшаюсь; по нынѣшнимъ постановленіямъ это чрезвычайно трудно. Вамъ не оставляютъ даже выбора отдѣла науки, какъ при экзаменѣ на степень магистра, а надо имѣть равныя познанія во всѣхъ наукахъ факультета. Конечно, со временемъ можно приготовиться и къ такому экзамену, но это приготовленіе отвлечетъ меня отъ занятій по моей кафедрѣ. Кажется, что нынѣшній Министръ не слишкомъ строго придерживается этого постановленія; нѣсколько адъюнктовъ и экстр. профессоровъ утверждены въ званіи орд. пр., не имѣя не только докторской степени, но даже никакой ступени;—например: Максимовичъ, Погодинъ утверждены въ семь званій за нѣсколько цѣпей предъ симъ, только всего магистры; Плетневъ и Шульгинъ не имѣютъ никакой ученой степени, а они опредѣлены въ С.-Петербург. университетъ прямо орд. профессорами; Крыловъ получилъ это званіе будучи только кандидатомъ; могу увѣрить Васъ, что мнѣ хотѣлось бы этого званія совсѣмъ не потому, что съ нимъ соединены 7 тысячъ, а единственно для жалованья. Вы меня знаете: я человѣкъ совсѣмъ не честолюбивый, по крайней мѣрѣ рѣшительно не *чинолюбивый*, а желалъ бы получить большаго жалованья, чтобы не имѣть постороннихъ занятій и посвятить себя совершенно своей кафедрѣ и быть въ состояніи помогать несчастнымъ своимъ родственникамъ. Если бы я имѣлъ все это въ Харьковѣ, то никакъ бы не рѣшилъ оставить его. Впрочемъ, при такихъ условіяхъ я не полагаю, какъ выше сего сказалъ, въ числѣ непремѣнныхъ: нужно только нужно мѣсто экстр. орд. профессора и жалованье по новому уставу; но то необходимо нужно, и безъ сего я никакъ не оставлю Харьк. университетъ. О характерѣ и личныхъ достоинствахъ почтеннаго Егора Ѳедоровича всѣ отзываются съ самой выгодной стороны! дай Богъ чтобы это было справедливо; въ противномъ случаѣ, прежде Вамъ скажу, что я не уживусь въ Кіевѣ. Будь начальникъ строгъ и точенъ, только ему угодно; требуй отъ меня *благоразумно* все, что только не принадлежитъ моей должности—охотно готовъ повиноваться и исполнять его требованія; но если навязываетъ на меня тягостныя какія нибудь постороннія занятія; если онъ обращается со мною унижительно; если онъ разсматриваетъ меня не какъ человѣка,—но какъ выучную скотину, долженствующую исполнять его капризы и прихоти—то этого я вынести не могу; въ такомъ случаѣ я готовъ пожертвовать всѣми своими выгодами, но только не сносить униженія и не быть пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ.—Что дѣлать? Не могу переродиться, передѣлать себя, хотя уже и потерялъ кое-что черезъ это. Я предполагаю, что Вы вызываете меня въ Кіевъ для кафедры всеобщей исторіи; другой кафедры занимать постоянно я не желаю; временно могу взяться за лекціи латинской словесности, даже греческой для низшихъ курсовъ; но главное занятіе должна быть всеобщ. исторія. Я думаю, что Кіевъ богаче книгами, нежели Харьковъ, это необходимо для хорошаго преподаванія всякой науки, а тѣмъ болѣе всеобщей исторіи. Коль скоро Егоръ Ѳедоровичъ доставитъ мнѣ всѣ учебныя пособия для моихъ лекцій, то я буду читать ихъ, какъ ему угодно—по какой угодно силѣ, въ какомъ бы то ни было объемѣ, съ какой хочетъ точки зрѣнія; безъ книгъ же не найдетъ онъ во мнѣ хорошаго преподавателя, ибо это невозможно.—Прощайте, любезнѣйшій, любезнѣйшій Егоръ Яковлевичъ! Извините меня, Бога ради, за глупость, за невнимательность, неаккуратность и обширность моего письма. Теперь я въ Екатеринославѣ своего батюшки; дорогою простудился и теперь лежу почти въ постели и голова боится ужаснымъ образомъ. Прощайте, желаю Вамъ искренно всего добраго“.

Р. S. Вы не обратили вниманія на В. М. Черныева, профессора ботаники; мастеръ своего дѣла. Нельзя ли и его переманить въ Кіевъ, почтеннѣйшій Егоръ Яковлевичъ! постарайтесь, Бога ради! (1833, 28 дек., Екатеринославъ).

Въ другомъ письмѣ онъ писалъ ему.

„Назадъ тому недѣлю графъ Панинъ получилъ отъ управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія официальную бумагу, въ которой Е. О. сообщаетъ помощнику попечителя, что онъ по представленію Е. О. утвердилъ меня въ званіи экстра-ординарнаго профессора при университетѣ Св. Владиміра. И такъ я не принадлежу болѣе Харькову! Позвольте поблагодарить Васъ снова, почтеннѣйшій Егоръ Яковлевичъ, за это мѣсто, ибо я совершенно увѣренъ, что обязанъ симъ первоначально Вамъ: не скажи Вы первый слова за меня Егору Федоровичу, онъ безъ сомнѣнія не зналъ бы, что я существую на свѣтѣ. Мѣсто въ Кіевѣ, конечно, второе выгодоу харьковского,—я это вижу; однакоже, не смотря на то, болѣно разставаться съ родною. Повѣрите ли, что когда мнѣ сказали о переводѣ моемъ въ первый разъ, я никакъ не могъ удержаться отъ слезъ, хотя это было въ присутствіи по крайней мѣрѣ 10 чел., а плакать въ наши лѣта не стыдно только наединѣ.—Впрочемъ скажу Вамъ откровенно, что мнѣ жаль разстаться не съ обществомъ харьковскимъ, котораго я люблю и не почитаю (чтобъ не сказать слишкомъ оскорбительнаго на счетъ его), а съ нѣсколькими пріятелями, кои истинно для меня дороги! Не смотря на всѣ мои усилія перетянуть хоть одного или двухъ изъ нихъ въ Кіевъ, они никакъ не рѣшались оставить Харьковъ—это разумѣется въ особенности о нашемъ добромъ, любезнѣйшій Михаилѣ Ивановичѣ. Кромѣ его, у меня найдется здѣсь еще 2 или 3 добрыхъ пріятелей и я не могу привыкнуть къ мысли, что долженъ оставить ихъ.—Горе человѣку не семейному, когда онъ сколько нибудь чувствителенъ; семейному—другое дѣло: для него весь его психологическій, такъ сказать, міръ заключается въ его семействѣ,—онъ равнодушно переедетъ изъ Харькова въ Иркутскъ, и изъ Иркутска въ Парижъ, лишь бы не разлучали его съ семьею. Что дѣлать? Я перехожу въ Кіевъ по расчетамъ разсудка, ибо не нахожу никакихъ выгодъ продолжать службу въ Харьковѣ и даже не вижу возможности жить приличнымъ образомъ, не измѣнивъ своимъ привычкамъ. У кого снисходительная совѣсть или даже вовсе нѣтъ ея, тому и здѣсь хорошо и тепло.—Вы, конечно, не почтете, любезнѣйшій Егоръ Яковлевичъ, съ моей стороны хвастовствомъ, если скажу Вамъ, что за исключеніемъ десятка привилегированныхъ поддєцовъ, по ремеслу, рыцарей подлѣсти и шельмовства, всѣ служащіе, учащіеся въ университетѣ или имѣющіе какое нибудь къ нему отношеніе жалѣютъ и очень жалѣютъ о томъ, что я оставилъ Харьковъ. Никого не поразило это столько, какъ графа Панина. Объявляя мнѣ о семъ, онъ сказалъ: Боже мой, какъ я несчастливъ, что въ мое время Ник. Ив. и вы оставляете университетъ. Что дѣлать—отвѣчалъ я ему, рыдающій гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше. Теперь жалѣютъ, а прежде никто не подумалъ о томъ, чтобы доставить мнѣ какія нибудь выгоды.—Увѣдомьте меня, почтеннѣйшій Егоръ Яковлевичъ, къ какому времени именно долженъ я пріѣхать въ Кіевъ и когда начнутся лекціи въ университетѣ, равно какъ и о томъ: тотчасъ ли по пріѣздѣ моемъ буду получать я жалованье, хотя еще курсы и не начнутся, или съ начала лекцій. Пожелавъ Вамъ всего добраго имѣю честь быть Вашимъ преданнымъ и покорнѣйшимъ слугою“.

Р. S. Увѣдомьте еще: какой мундиръ Кіевскаго университета; вмѣстѣ съ свѣтъ пишу Е. О.

Даниловича, что ему пріятнѣе было бы жить съ русскими, чѣмъ съ поляками ¹⁾).

¹⁾ Попечитель велѣ переговоры съ Даниловичемъ при посредствѣ Зимовскаго, который повидимому былъ слушателемъ его по Харьковскому университету. Въ отвѣтъ на сдѣланное ему отъ имени попечителя Зимовскимъ предложеніе Даниловичъ писалъ. Чувствительно вамъ благодаренъ за хорошее ко мнѣ расположеніе. Испытывая давно, сколь пріятно наставнику умѣть снискать дружбу своихъ благорасположенныхъ слушателей, нынѣ радуюсь сугубо, что и въ Харьковѣ подтверждается сіе столь лестное для меня убѣжденіе. Вамъ я безъ сомнѣнія долженъ благосклоннымъ ко мнѣ расположеніемъ Е. П. попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

По здоровому Кіевскому климату, удобства сего мѣста для ученыхъ сообщений, преимущественнѣе по внутреннему моему убѣжденію и вашему увѣренію, что служба съ попечителемъ есть бремя легкое и пріятное, я охотно соглашаюсь принять на себя прежнее званіе профессора правовѣдѣнія, ни малѣйше не сомнѣваюсь, что всѣ дальнѣйшія предположенія увѣнчаны будутъ желаемымъ успѣхомъ.

Обласканный столь славнымъ моимъ нынѣшнимъ начальствомъ, какъ-то Е. П. Сперанскимъ, М. А. Балуганскимъ, пользуясь ласковымъ расположеніемъ Министра Народнаго Просвѣщенія и Товарища Министра Юстиціи гр. Панина, могъ бы я получить хорошее мѣсто въ столицѣ, еслибъ не устрашалъ меня климатъ и не прельщала каедрѣ старая привычка, а вмѣстѣ съ нею желаніе окончить начатыя ученыя работы, съ которыми разстаться трудно. Возложенное на меня правительствомъ дѣло окончится рѣшительно въ истеченіи года, но могутъ уволить меня и скорѣе, по мѣрѣ заботности.

Испуганный деканскою должностію, которая навлекла на меня въ Харьковѣ столько непріятныхъ отношеній, гораздо охотнѣе принялъ бы я библіотечарскую должность, исправляемую въ Харьковѣ, и хранителя милиціа-кабинета, буде сіе возможно сопряжено съ какимъ либо вознагражденіемъ.

Не худо было бы намекнуть съ вашей стороны попечителю объ употребленіи зависящихъ мѣръ къ полученію изъ Императорской публичной библіотеки дуплетовъ, которыми она, по новымъ пріобрѣтеніямъ изъ Царства Польскаго, весьма обременена. По моему убѣжденію, сіе не было бы трудно, а я въ качествѣ библіотечара Харьковскаго, охотно посвятилъ бы мои услуги къ облегченію сего отдѣленія дуплетныхъ книгъ, что не очень легко, какъ я уже испыталъ, отдѣляя дуплеты для Финляндскаго университета.

Значительное число моихъ соотчичей въ Кіевѣ болѣе меня обзадачиваетъ, чѣмъ прельщаетъ; поляку гораздо удобнѣе жить между русскими, ибо между своими, при всей осторожности, можно попасть въ странныя подозрѣнія, навлекающія пронасть непріятностей.

Надѣясь, что вы не оставите и дальнѣйшаго ходатайства за меня у Е. П. при первомъ случаѣ, покорнѣйше прошу доставить мои подробнѣйшія свѣдѣнія, касающіяся Кіева и Липецъ.

Если липецъ поставленъ будетъ на степени высшаго училища, то не худо было бы предложить мѣсто профессора естественной исторіи Ивану Андреевичу Криницкому, экстраординарному профессору въ Харьковѣ, знаетъ его Николай Ивановичъ Еллинскій и Фишеръ изъ Москвы, ибо какъ кажется, г. Беккеръ не захочетъ переселиться въ Кіевъ“.

А вотъ что писалъ Даниловичъ попечителю: „какъ изъ письма Вашего Превосходительства къ Мих. Мих. Сперанскому, такъ съ отношенія къ нему же Министра

Проф. Т. Θ. Степановъ также хотѣлъ перейти въ Кіевскій университетъ и велъ по этому поводу переписку съ Зимовскимъ и почителемъ. Побуждало его къ этому повидимому главнымъ образомъ желаніе получить ординатуру въ Харьковѣ; въ это время онъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ. Но въ тоже самое время онъ просилъ Харьковского попечителя Филатьева ходатайствовать въ Петербургѣ о предоставленіи ему должности ординарнаго профессора въ Харьковскомъ университетѣ. Ни то, ни другое желаніе Т. Θ. Степанова не осуществились: препятствіемъ къ переводу его въ Кіевъ послужило отсутствіе въ Кіевскомъ университетѣ каѳедры политической экономіи, а на представленіи Филатьева Министръ начерталъ: еще рано; повременить до слѣдующаго года ¹⁾).

Народнаго Просвѣщенія, равномѣрно съ благосклонныхъ отзывомъ другихъ лицъ, я всѣмъ, предпринятая касательно перемѣщенія моего въ Кіевъ.

Толикое благодареніе преисполняетъ меня чувствомъ живѣйшей благодарности, которую изъявлять на всякомъ шагу моихъ дѣйствій, стремящихся къ пользѣ стоящаго мнѣ поприща, будетъ свѣтѣйшею моею жизнію обязанностію. Не тщеславіе ниже корыстолюбіе, а 20 лѣтній навѣкъ къ учительскимъ занятіямъ, съ которыми рѣшиться трудно и, можно сказать, какое то предназначеніе побуждало меня предложить мои услуги Владимірскому университету. Коль скоро желаніе сіе съ помощью Высшняго сбудется, не стану щадить всѣхъ съ моей стороны усилій, какъ для оправданія столь лестнаго обо мнѣ мнѣнія Вашего Превосходительства, такъ для пользы учреждающагося заведенія. Не трудно отгадать счастливую будущность, славу и процвѣтаніе Высокомонаршими щедротами воздвигнутаго Владимірскаго университета, коль скоро всѣ оного попечители, будучи одушевлены Вашего Превосходительства речіемъ и дѣятельностію, стануть пешихъ о его благодѣ, о замѣщеніи каѳедръ опытныхъ наставниками, преимущественно же отъ умноженія его учебныхъ пособій. (6 августа 1833 г., Петербургъ).

Въ письмѣ Даниловича къ попечителю Кіевскаго учебнаго округа фонъ Браунъ отъ 6-го ноября 1833 года Даниловичъ писалъ. „Данное В. П. порученіе г. Зимовскому узнать мое согласіе на предложеніе службы по званію профессора правовѣдѣнія въ Кіевскомъ лицѣѣ, преисполняетъ меня чувствительнѣйшей благодарностію за столь лестное и неожиданное ко мнѣ расположеніе. Зная по общему голосу, сколь славъ подъ начальствомъ В. П. есть бремя легкое и пріятное и сверхъ того *привлекаемый хорошимъ климатомъ и удобностію Кіева для ученыхъ сообщеній*, не могу не согласиться на предложеніе“ (Рук. отдѣл. Харьк. ист. фил. общ.).

¹⁾ Узнавъ, что Цыхъ переводится въ Кіевъ экстраординарнымъ, Т. Θ. Степановъ замѣчаетъ: „Боже мой! Какое счастье одному и другому. Цыхъ только что сдѣланъ магистромъ, адъюнктомъ—и вдругъ экстраординарный профессоръ. Я уже десять какъ магистръ, два года какъ экстраординарный профессоръ, когда я такъ мучился, когда даже сдѣлался извѣстнымъ по своимъ трудамъ и публикѣ. Но обманъ плетью не перешибешь. Извѣстите, что если я поѣду къ вамъ въ званіи экстраординарнаго профессора, то буду ли имѣть особенную каѳедру или на своей шеѣ буду имѣть ординарнаго?“ Въ другомъ письмѣ Т. Θ. Степановъ говоритъ такъ: „Очень радъ, что Владиміръ, Францовичъ (Цыхъ) получилъ должную цѣну своихъ трудовъ и познаній“.

Въ общемъ повидимому нравственный уровень профессорской коллегіи понизился сравнительно съ предшествующимъ десятилѣтіемъ. Сильное же влияніе на это оказали тѣ стѣсненія академической свободы, о которыхъ мы подробно говорили въ 1-й главѣ настоящаго сочиненія. Тамъ же представлены были и факты, рисующіе печальное положеніе лицъ, стремившихся отстаивать эту свободу, и указывавшіе на личные интересы, лежавшіе въ основѣ дѣйствій людей, приспособившихся къ новымъ теченіямъ.

Столкновенія, ссоры и пререканія, къ сожалѣнію, имѣли мѣсто и въ изучаемый нами періодъ времени. Представимъ фактическія данныя въ некоторыхъ болѣе характерныхъ случаяхъ. Въ 1819 г. произошло столкновеніе у проф. Ланга съ правленіемъ университета. Самъ онъ изложилъ причину его въ неприязненныхъ отношеніяхъ къ нему тогдашнихъ членовъ правленія съ ректоромъ Осиповскимъ во главѣ. Но едва ли не вѣрнѣе будетъ искать ее въ борьбѣ, которая велась тогда между профессорами русскаго происхожденія и иностранцами. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

Проф. Лангу нужно было поѣхать въ Петербургъ—и онъ испрошилъ себя у совѣта 28-дневный отпускъ, который былъ ему предоставленъ всѣми членами, за исключеніемъ двухъ—Каменскаго и Дрейсига, изъ коихъ послѣдній соглашался на него условно—если не восприимчивы дѣловыя обязательства Ланга. Журналъ совѣтскаго постановленія былъ подписанъ въ слѣдующемъ засѣданіи, при чемъ Лангу извѣстно было на день предполагаемаго имъ отъѣзда, къ каковому правленію должно было изготавить ему отпускъ. Однако это послѣднее затормозило выдачу отпуска на двухъ основаніяхъ: во 1-хъ, потому что, къ Лангу предъявлены были новые иски объ его долговыхъ обязательствахъ и во 2-хъ потому, что присутствіе его оказывалось необходимымъ по дѣлу ректора училищъ Харьковской губерніи барона Эйбена (о безпорядкахъ и растратѣ суммъ). Не приводя въ исполненіе постановленія совѣта о выдачѣ отпуска, правленіе обратилось за разъясненіемъ двухъ указанныхъ выше обстоятельствъ къ прибывшему тогда въ Харьковъ попечителю, который отказалъ въ отпускѣ Лангу въ виду того, что его присутствіе было необходимо въ Харьковѣ для дачи показаній о баронѣ Эйбенѣ. Конечно, попечитель зналъ, что таково было желаніе правленія.

Увѣренъ, что ему у васъ будетъ лучше. Впрочемъ и нашъ университетъ порадованъ сообщеніемъ Головкинымъ, умнымъ, образованнымъ, добрейшимъ попечителемъ. Но каковы будутъ послѣдствія—Богъ знаетъ. Вашъ университетъ только что начинаетъ возражаться, а нашъ уже измокъ подъ дождемъ тысячъ непріятностей“. (Рукописное отдѣленіе Харьковскаго историко-филологическаго общества).

Однако Лангъ, не получая въ назначенный ему срокъ отпуска отъ правления, не зная, что это послѣднее передало его дѣло на разсмотрѣніе попечителю и полагая, что оно просто тормозитъ его изъ нерасположенія къ нему его членовъ—Осиповскаго, Книгина и Успенскаго, уѣхалъ въ Петербургъ безъ отпускнаго билета и передъ выѣздомъ написалъ записку на дѣйствіе правленія въ совѣтъ. Въ этой жалобѣ онъ особенно подчеркивалъ то обстоятельство, что правленіе поступило незаконно, замедливъ съ приведеніемъ въ исполненіе совѣтскаго постановленія, ибо оно является только исполнительнымъ органомъ совѣта, и ему не принадлежитъ право произвольно измѣнять рѣшенія совѣта или препятствовать ихъ исполненію; такъ какъ отпускъ былъ разрѣшенъ, писалъ Лангъ, на законномъ основаніи и присутственнымъ мѣстомъ, закономъ установленнымъ, а отказъ правленія я считалъ незаконнымъ, и рѣшилъ отправиться въ путь подъ защитою Божіею безъ всякаго увольнительнаго свидѣтельства; но такъ какъ меня въ качествѣ безспорнаго могутъ остановить въ пути и препроводить подъ карауломъ, какъ подозрительнаго человѣка въ Петербургъ или Харьковъ, то ответственность за весь вредъ, который я могу претерпѣть, я возлагаю на дѣло на членовъ правленія.

Правленіе въ своемъ отвѣтѣ на эту жалобу ссылалось, во 1-хъ, на то, что рѣшеніе совѣта не было единогласно, во 2-хъ, на новыя договорныя обязательства Ланга разнымъ лицамъ и въ 3-хъ на необходимость его присутствія въ Харьковѣ для разъясненій по дѣлу Эйбена. Первый мотивъ нельзя признать состоятельнымъ, потому что дѣло въ совѣтѣ рѣшалось по большинству голосовъ; второй мотивъ также не особенно убѣдителенъ, потому что членамъ правленія, присутствовавшимъ въ засѣданіи совѣта, было извѣстно о старыхъ долговыхъ обязательствахъ Ланга; наконецъ, едва ли справедливо было удерживать Ланга отъ необходимой для него, очевидно, поѣздки и по третьей причинѣ, ибо онъ скоро долженъ былъ вернуться, а слѣдствіе по дѣлу Эйбена не могло окончиться такъ быстро. Между тѣмъ правленіе сообщало о самовольной отлучкѣ и долговыхъ обязательствахъ Ланга губернатору, и сдѣлало распоряженіе о невыдачѣ ему жалованья; однимъ словомъ, дѣйствовало повидимому не вполне безпристрастно и старалось раздуть проступокъ Ланга. Но Лангъ все таки, кажется, не платился за свой неосмотрительный образъ дѣйствій; черезъ 2 мѣсяца онъ вернулся благополучно въ Харьковъ и изъ дѣла не видно, чтобы онъ понесъ наказаніе за свою самовольную отлучку ¹⁾.

¹⁾ Харьк. Унив. архивъ. Дѣло правл. 1819 № 1461/71.

О взаимныхъ столкновеніяхъ профессоровъ другъ съ другомъ и о проискахъ ихъ у мѣстнаго учебнаго начальства говорить въ своей автобіографіи проф. Т. Ѳ. Степановъ.

„Пріѣхавъ въ Харьковъ, я встрѣченъ былъ съ чрезвычайной лаской попечителемъ, бывшимъ уже тамъ, и разными профессорами, даже Кронебергомъ, Пауловичемъ и Артемовскимъ-Гулакомъ. Ректоръ Еллинскій былъ со мной очень хорошъ, но онъ вскорѣ по неудовольствію съ попечителемъ, отказался отъ университета, и мѣсто его заступилъ опять Кронебергъ. Кронебергъ заискивалъ моего близкаго знакомства, потому что другъ не знаю почему переѣхалъ ко мнѣ и сдѣлался моимъ врагомъ. Филатьевъ представилъ меня черезъ годъ въ орд. профессора, но не было успѣха. Вскорѣ онъ поступилъ въ сенаторы, попечителемъ былъ назначенъ вельможа—графъ Головкинъ. Съ нимъ пріѣхалъ чиновникъ по особымъ порученіямъ де-Роберти, бывший нѣкогда ученикомъ моимъ въ пансіонѣ своего отца, знакомый со мною по Петербургу, онъ меня весьма любилъ и уважалъ, отрекомендовалъ меня наилучшимъ образомъ графу, такъ что я это замѣтилъ при самомъ его пріѣздѣ. Кронебергъ хотѣлъ было уронить меня въ глазахъ графа, выставивъ будто я предаю вмѣсто дипломатики, такъ названную въ прежнемъ Университетскомъ Уставѣ, дипломатію,—но онъ не имѣлъ объ этомъ достаточнаго понятія и тѣмъ показалъ только себя передъ графомъ съ дурной стороны.—Спустя годъ по представленію графа, вслѣдствіе представленія ректора Университета, я получилъ званіе ординар. профессора. Графъ уредилъ временную комиссію для обревизованія и рѣшенія старыхъ дѣлъ, сдѣлалъ меня членомъ ея вмѣстѣ съ двумя профессорами.—Въ то время я только увидѣлъ въ себѣ способность и притомъ отличную къ гражданскимъ дѣламъ, способность, убитую во мнѣ въ Петербургѣ завистью и злостью Фомина. Я былъ ревностнымъ дѣятелемъ комиссіи и два важныхъ дѣла, запущенныхъ въ университетѣ, за которые никто изъ профессоровъ не смѣлъ уже приняться, были наиболѣе рѣшены мною. Это стоило, можетъ быть, мнѣ части здоровья. Рѣшеніе сдѣлано было превосходно, министерство и Сенатъ вполнѣ согласились съ нимъ. Три года продолжалась комиссія. Графъ видѣлъ ея трудъ, успѣхи. Онъ представилъ меня къ ордену Станислава на шею, но было отказано мнѣ по неимѣнію пряжки за безпорочную службу. Я получилъ только 1500 р. Но строго говоря, эта награда была ничтожна. Между тѣмъ я замѣшался въ большую распрю съ Кронебергомъ и частью съ другими профессорами, его поддерживавшими. Я былъ совершенно неинтересенъ въ дѣлѣ противу нихъ. Я могъ бы много повредить ему, но я старался отклонить только отъ себя бѣду, но никогда не имѣлъ намѣ-

ренія вредить ему, даже отклонилъ по одному дѣлу отъ него дурныя слѣдствія. Но кажется, онъ этому не довѣрялъ,—потерялъ сто ректора, и навлекъ на себя сильное нерасположеніе графа—тайныя дѣйствія Артемовскаго-Гулака, съ коимъ также онъ былъ въ несогласіи. Еслибы Кронебергъ продолжалъ со мною согласіе, въ первомъ разу начатое, онъ могъ бы выиграть много. Полагаю, что главная причина ненависти его ко мнѣ была зависть его къ чрезвычайной репутациі, которой я пользовался между студентами и въ публикѣ. Эта же причина возбудила противу меня и Артемовскаго-Гулака“.

Рѣшеніе дѣлъ о столкновеніяхъ, происходившихъ въ университетской средѣ, выпадало на долю правленія.

Характеренъ одинъ случай, когда помощникъ попечителя гр. Панинъ въ 1834 г. рѣзко разошелся въ мнѣніи съ правленіемъ и поставилъ вопросъ о чести университета, которая постановленіемъ правленія по его мнѣнію, могла быть нарушена. Извѣстный ставленникъ попечителя Филатѣва лекторъ Гренбергъ имѣлъ большіе долги, на уплату которыхъ положено было производить вычеты изъ его жалованья. Эти вычеты оказались столь значительны, что Гренбергу оставалась сумма, совершенно недостаточная на прожитіе. Тогда онъ возбуждалъ ходатайство передъ правленіемъ о томъ, чтобы на жизнь ему оставили половину жалованья (500 р.) и всѣ квартирныя (200 р.)—и правленіе предлагало уважить его просьбу и вмѣстѣ съ тѣмъ передать всѣ его взысканія съ него въ гражданское вѣдомство. Гр. Панинъ подписалъ на это слѣдующую резолюцію.

„Мнѣніе правленія не можетъ быть принято мною, потому что честь университета подверглась бы нареканію отъ моего согласія, а просьбу Гренберга я такъ же не могу согласиться, потому что она противна закону“¹⁾. Если принять во вниманіе, что Гренбергу оставалось въ жизнь всего 23 р. съ коп. въ мѣсяцъ—сумма совершенно недостаточная—то едва ли можно было посылать по адресу правленія столь рѣзкій упрекъ.

Къ этому нужно присоединить, что вообще обязанность разсматривать по существу частныя дѣла лицъ, состоявшихъ въ вѣдомствѣ университета, была очень непріятна и затруднительна для правленія. Въ 1815 году, напримѣръ, ему пришлось разрѣшать чисто семейныя и имущественныя неурядицы и дразги между учителемъ танцевальнаго искусства Штейномъ и его супругой, гдѣ они обвиняли другъ друга въ нанесеніи побоевъ, оскорбленій и т. п. Дѣло это окончилось примире-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1944/126.

нѣмъ супруговъ, рѣшившихся жить отдѣльно по несходству характеровъ ¹⁾.

Другой разъ не только правленію, но и совѣту пришлось разсматривать дѣло о столкновеніи того же Штейна со ст. сов. помѣщицей Зайковской, обвинявшей его въ обидѣ словами. Изъ дѣла выяснилось однако, что обиды словами были взаимныя—и совѣтъ постановилъ дѣло прекратить ²⁾.

Приходилось правленію разсматривать 2 непріятныя денежныя дѣла, возбужденныя противъ профессора Нельдехена помѣщикомъ Екатеринославской губ. Новомосковского уѣзда Никономъ Андреевымъ и Ахтырскаго уѣзда Харьковской губ. Бразолемъ за то, что онъ взялъ авансъ у перваго 1000 р., а у втораго 2000 р. на устройство винокуренныхъ заводовъ, ввелъ ихъ въ убытокъ и ничего не сдѣлалъ. Дѣло, по объясненію потерпѣвшихъ, имѣло видъ какъ бы обмана со стороны Нельдехена, ибо онъ выдавалъ себя за знатока дѣла и принималъ обязательство устроить такой заводъ, въ которомъ каждая 8-пудовая четверть пшеничной или ржаной муки могла бы дать 6 ведеръ лучшаго крепкаго вина; въ дѣйствительности же заводъ сталъ давать 2½ ведра слабого вина ³⁾.

Но только что приведенные факты, рисующіе столкновенія университетскихъ дѣятелей съ мѣстной средой, являются исключительными. Вообще же говоря, университетъ продолжалъ благотворнымъ образомъ воздѣйствовать на мѣстную среду, на мѣстное общество, на городъ Харьковъ и на весь край. Это вліяніе прежде всего, выражалось, конечно, въ томъ, что изъ университета выходили лица, получившія должную спеціальную подготовку по одной изъ четырехъ факультетскихъ группъ-наукъ — историко-филологи, физико-математики, юристы и врачи и занимали потомъ соотвѣтственныя должности въ краѣ и городѣ. Кромѣ того университетъ давалъ и общеобразовательную подготовку и, слѣдовательно, способствовалъ подъему умственнаго развитія общества, а это имѣло огромное вліяніе на подъемъ культуры въ краѣ. Существованіе университета въ Харьковѣ ставило въ особенно благоприятное положеніе по отношенію къ полученію высшаго образованія населеніе этого города и всего тяготѣвшаго къ нему района. А это было очень важно, если, какъ мы знаемъ, приходилось доказывать пользу высшаго образованія. Сознаніе важности и необходимости этого дѣла было слабо развито въ обществѣ, и если бы въ Харьковѣ не было

¹⁾ Ib. Д. правл. № 1050/47.

²⁾ Ib. Д. сов. 1818 г. № 18.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. пр. № 1211/57.

университета, то весьма незначительный процентъ молодыхъ людей въ немъ обучавшихся, поѣхали бы учиться въ Москву или другой либо еще болѣе отдаленный пунктъ, въ особенности если принять въ вниманіе тогдашніе трудные пути сообщенія. При господствованіи тогда натуральномъ хозяйствѣ помѣщиковъ, доставлявшихъ весьма значительный процентъ учащейся молодежи въ университеты, и при дороговизнѣ денегъ, вопросъ о содержаніи студентовъ въ отдаленныхъ мѣстахъ имѣлъ немаловажное значеніе. Харьковъ же и безъ того являлся притягательнымъ центромъ благодаря своимъ ярмаркамъ. Теперь превращается въ центръ высшаго образованія, науки, литературы, искусствъ и вообще культуры. Нахожденіе въ немъ университета увеличивало вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріальное благосостояніе города и горожанъ. На содержаніе университета по штату отпускалась весьма значительная по тому времени сумма въ 130000 рублей, которая цѣликомъ оставалась въ Харьковѣ. Къ ней нужно присоединить частныя, экономическія суммы, частныя, дополнительные доходы профессоровъ, стоимость содержанія своекоштныхъ студентовъ. Къ нимъ прибѣгали ихъ родители, родственники, знакомые, дѣлали покупки, посѣщали театр, концерты и т. п. Другіе прибѣгали къ тогдашнимъ профессорамъ-медикамъ. Наконецъ, къ университету, а слѣдовательно, и къ Харькову тяготѣла масса преподавательскаго персонала всѣхъ учебныхъ заведеній огромнаго Харьковскаго учебнаго округа, непосредственно подчиненная университету и потому наваждавшаяся подчасъ и въ Харьковѣ. Въ Харьковѣ, благодаря университету, развилась теперь журнальная дѣятельность, дававшая также некоторый заработокъ — редакторамъ и типографамъ. Однимъ словомъ, значеніе университета для города Харькова и края было весьма велико и въ отношеніи научнообразовательномъ, и въ отношеніи экономическомъ.

Наконецъ, университетъ не остался равнодушнымъ и къ вопросу объ улучшеніи ужасныхъ санитарно-гигіеническихъ условій харьковской жизни.

Можно даже сказать, что вопросъ о санитарно-гигіеническихъ неудобствахъ г. Харькова по прежнему служилъ предметомъ особеннаго вниманія университета, который настойчиво указывалъ на нихъ и энергично хлопоталъ объ ихъ устраненіи передъ высшимъ начальствомъ. Такимъ образомъ, Харьковъ несомнѣнно былъ обязанъ нѣкоторымъ улучшеніемъ естественныхъ неблагоприятныхъ условій своего гигиеническаго состоянія Харьковскому университету. Послѣдній въ лицѣ своего медицинскаго факультета и его преподавателей выдвинулъ

за борьбу съ этими условіями цѣлое учрежденіе, обладавшее спеціальными знаніями въ этой области и высокимъ авторитетомъ въ глазахъ мѣстнаго общества, мѣстной администраціи и центральной власти. Хотя университету не удалось добиться всѣхъ предлагаемыхъ имъ улучшеній, но и его попытки все таки приносили свою долю пользы, потому что нарушали мирный сонъ обывателей, сжившихся съ санитарнымъ неблагоустройствомъ своего города и не считавшихъ его вреднымъ для здоровья и жизни. Въ 1827 году попечитель учебнаго округа Перовскій вошелъ съ представленіемъ отъ имени университета къ Министру Народнаго Просвѣщенія „о мѣстныхъ неудобствахъ города Харькова, приносящихъ много вреда университету“—и Министръ Народнаго Просвѣщенія съ своей стороны просилъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы ходатайство университета, если возможно, было уважено. Ходатайство же это заключало въ себѣ рядъ пунктовъ. Университетъ просилъ, 1) уничтожить мельничную плотину, находившуюся въ самомъ городѣ на рѣчкѣ Харьковѣ, ибо тогда рѣчка эта, получивъ теченіе, сможетъ доставлять городу порядочную воду; 2) для уничтоженія чрезвычайной грязи на городскихъ улицахъ предписать мѣстному начальству позаботиться объ устройствѣ по возможности каменной мостовой; 3) перевести въ другія мѣста находящіеся близъ университета трактиры и шинки, такъ какъ ихъ запрещено по закону устраивать ближе 150 саж. отъ кадетскихъ корпусовъ; 4) загородить и сдѣлать непроѣзжей для публики часть университетской улицы, раздѣляющей университетскія зданія, такъ какъ въ силу оживленнаго движенія по ней нельзя установить надлежащаго порядка между учащимися; вмѣсто же нея проѣздъ можно устроить за университетскимъ зданіемъ черезъ большую площадь.

Министръ внутреннихъ дѣлъ запросилъ по этому дѣлу заключенія харьковскаго губернатора, а тотъ предложилъ этотъ вопросъ на разсмотрѣніе мѣстнаго комитета, образованнаго для уравниенія городскихъ повинностей. Въ 1832 году Министерство Народнаго Просвѣщенія еще не имѣло свѣдѣній о рѣшеніи этого дѣла и просило попечителя навести о немъ справки на мѣстѣ. Въ 1833 году тогдашній Харьковскій губернаторъ Мих. Ив. Каховскій сообщилъ, наконецъ, въ какомъ положеніи находилось это дѣло въ комитетѣ. По вопросу объ устройствѣ мостовыхъ было поручено собрать свѣдѣнія о камнѣ въ окрестностяхъ Харькова; объ исправленіи береговъ харьковскихъ рѣкъ и устройствѣ шлюзовъ поручено было составить соображенія и смѣту губеринскому архитектору, но все это еще не было доведено до конца; по вопросу о переводѣ трактировъ и шинковъ получены были отзывы трак-

тирщиковъ и откупщика—почетнаго гражданина, коммерціи совѣтника Козьмы Кузина, которые указывали на могущіе произойти для нихъ убытки и спрашивали, на основаніи какихъ законовъ къ нимъ предъявляется подобное требованіе. Прошло еще два года—и въ 1835 году помощникъ попечителя гр. Панинъ обратился къ Харьковскому губернатору кн. Трубецкому съ просьбою сообщить ему, въ какомъ положеніи находилось это злополучное дѣло. Губернаторъ сообщилъ, что вопросъ о трактирныхъ заведеніяхъ восходилъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, который однако не распространилъ требованіе закона о кадетскихъ корпусахъ на гражданскія учебныя заведенія, а оставилъ все по старому; что касается мостовыхъ, береговыхъ рѣкъ и шлюзовъ, то для изысканія средствъ для устройства ихъ образованъ въ Харьковѣ по указу Сената, комитетъ, который составилъ различныя предположенія, имѣвшія быть представленными впослѣдствіи, когда увеличатся городскіе доходы, на утвержденіе высшаго начальства, по вопросу же о закрытіи Университетской улицы состоялись переговоры Дворянскаго и Купческаго общества въ томъ смыслѣ, что это для города будетъ очень вредно. Въ 1837—1838 гг. Министерство Народнаго просвѣщенія снова *три раза* запрашивало Харьковскій учебный округъ о положеніи этого дѣла, но округъ однако не могъ добиться никакого отвѣта отъ мѣстнаго губернатора. Только еще черезъ три года нѣкоторые изъ отмѣченныхъ неудобствъ были устранены. Но объ этомъ мы будемъ говорить въ 3-мъ томѣ своего труда.

Отсюда ясно видно, съ какими огромными затрудненіями пришлось бороться Харьковскому университету въ его стремленіи устранить вопіющіе недостатки городского неблагоустройства, вредно отзывавшіеся на самомъ ходѣ учебнаго дѣла, какъ медленно шло дѣло этого благоустройства, какую оппозицію оно встрѣчало въ мѣстной средѣ и какъ безсильна была здѣсь администрація, хотя бы она даже сочувствовала улучшеніямъ. Впрочемъ и здѣсь все таки оправдалась справедливость текста—толцые—и отвернется вамъ! Въ концѣ концовъ университетъ добился замощенія камнемъ двухъ главныхъ улицъ Харькова.

Однимъ изъ средствъ сближенія университета съ мѣстнымъ обществомъ попрежнему служили университетскіе акты. Они отличались такимъ же характеромъ, какъ и въ первое десятилѣтіе существованія университета, какъ это видно изъ отчетовъ, которые были въ наши руки за 20 лѣтъ—съ 1815 по 1835-й годъ. По прежнему главнѣйшею частію ихъ программы являются рѣчи, которыя впрочемъ не отличались

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло № 1914/122

ются уже такимъ интересомъ содержанія, какъ прежде. Говорятся эти рѣчи попрежнему на разныхъ языкахъ, но русскій языкъ дѣлаетъ и въ нихъ все большія и большія завоеванія. Кромѣ рѣчей читались отчеты, знакомившіе съ важнѣйшими перемѣнами въ жизни университета; раздавались вновь вступившимъ студентамъ шпаги, исполнялись музыкальныя произведенія; присутствовавшимъ давалось угощеніе, вечеромъ была иллюминація и т. п. Бывали иногда и публичныя собранія, на которыхъ студенты читали рѣчи и разныя сочиненія. Акты же собственно происходили 30 августа въ день тезоименитства Императора Александра I, послѣ молебствія, совершаемаго въ соборѣ. Стоимость угощенія по сравненію съ прежнимъ временемъ публики увеличилась: въ 1815 г. угощеніе 30 авг. обошлось въ 346 р. съ коп., 25 декабря 294 р. съ коп., въ 1818 г. въ 254 р. съ коп. и т. д. Характерно распоряженіе Министра Народнаго Просвѣщенія Шишкова о томъ, чтобы университеты, безъ особаго спеціальнаго всякій разъ разрѣшенія его, не печатали въ газетахъ извѣстій о своихъ торжественныхъ собраніяхъ ¹⁾. Этимъ, конечно, должна была ослабиться связь между университетами и мѣстнымъ обществомъ.

У профессоровъ существовало сознаніе великой пользы, принесенной Харьковскимъ университетомъ за 25 лѣтній періодъ его существованія обществу и краю и это сознаніе нашло себѣ ясное выраженіе въ заготовленной рѣчи, произнесенной 30 августа 1830 года. „Двадцать пять лѣтъ, говорилось тамъ, прошло отъ учрежденія сего храма наукъ, основаннаго въ Божѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ 1-мъ на патріотическомъ приношеніи благороднаго дворянства здѣшной губ. Незначительно это время; не смотря однако на это, злїяніе нашего заведенія на образованность Украины и мѣстъ, ей сопредѣльныхъ, равно какъ и на народную промышленность нашего края, весьма ощутительно и очевидно. Сравнимъ только состояніе страны сей и самого города при началѣ текущаго столѣтія съ настоящимъ, бросимъ хотя бѣглый взглядъ на теперешнее юношество наше и сравнимъ, каково было оно въ то время, когда для образованія своего не имѣло настоящихъ богатыхъ способовъ, прислушаемся, наконецъ, къ безпристрастнымъ отзывамъ посѣтителей, послѣ продолжительнаго отсутствія возобновившихъ знакомство свое съ сею страной; все говоритъ въ пользу заведенія нашего. О великій монархъ, зиждитель сего храма наукъ, воззри на дѣла рукъ Твоихъ, благословляемые цѣлыми поколѣніями, виждь исполненіе благодѣтельныхъ Твоихъ предначерта-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. правл. № 2334/126.

ній и внемли благодаренію страны, обязанной Тебѣ усовершенствованіемъ моральнаго своего бытія! И ты, доблестное дворянство Украинское, вѣрный исполнитель Царской воли, благотворители наши! Возрадуйтея плодами пожертвованій вашихъ! Заведеніе, воздвигнутое вашими щедротами, процвѣтаетъ; благотворное вліяніе его распространилось на Таврію, Кавказъ и Бессарабію; вездѣ водворяются науки; вездѣ мѣзы соплетаются вамъ вѣнецъ безсмертія. Весьма назидательно было бы изобразить хотя вкратцѣ ходъ и постепенное образованіе сего университета со времени его открытія, изложить обстоятельства, иногда замедлявшія, иногда ускорявшія какъ собственное его возвышеніе, такъ и благотѣльное его вліяніе на народное благо; но университетъ предоставляетъ разсмотрѣніе этого важнаго предмета другому случаю. Теперь же по возложенной на меня обязанности, имѣю честь представить почтеннѣйшему собранію, доказавшему присутствіемъ своимъ свое участіе, принимаемое имъ въ судьбѣ этого заведенія, краткое обзорѣніе важнѣйшихъ происшествій и перемѣнъ, происшедшихъ въ предолженіи окончившагося учебнаго года какъ въ самомъ университетѣ, такъ и въ подвѣдомомъ ему округѣ“¹⁾

Къ сожалѣнію, болѣе подробнаго изложенія пользы, принесенной обществу и краю университетомъ за 25 лѣтъ его существованія, не слѣдовало.

Характерно обращеніе университета къ обществу на актѣ 1831 г., ибо здѣсь онъ формулировалъ свои патріотическія, образовательныя и воспитательныя дѣли. „Въ истекшемъ академическомъ году, равно какъ и въ предшествовавшихъ, Императорскій Харьковскій университетъ, исполняя обязанности, уставомъ его и предписаніями начальства ему предначертанныя, постоянно старался соотвѣтствовать существующему своему назначенію, т. е.—доставлять юношеству, попеченіямъ и руководству его ввѣренному, всевозможныя средства къ образованію себя и къ достиженію истиннаго просвѣщенія, въ знаніяхъ и добрыхъ нравахъ состоящаго. И потому главнѣйшимъ предметомъ дѣйствій университета было какъ улучшеніе учебной части и заведеній, служащихъ пособіями при преподаваніи наукъ, такъ и строжайшее вниманіе къ нравственности воспитанниковъ. Въ поощреніе учащихся юношей къ надлежащему прохожденію настоящаго поприща дабы по окончаніи его достойно могли явиться на поприще служенія отечеству и Царю русскому — имъ внушаемо было, подъ державой какого царя живутъ они и благоденствуютъ, какому царю служить готовятся. И дѣйствительно

¹⁾ Харьк. унив. Архивъ. Д. поп. № 1521/87.

томъ не возгорится пламенное рвеніе къ добру и чести при созер-
высокаго примѣра добродѣтелей Великаго Монарха нашего? Ка-
примѣръ можетъ представить въ одномъ лицѣ такое едва пости-
сочетаніе доблестей: съ одной стороны величіе Самодержца
риѣйшей въ свѣтѣ Имперіи, съ другой—кротость и милосердіе
любиваго отца; твердость, мужество и силу, движущую мановеніемъ
милліонъ воиновъ—и миролюбіе и благодать, успокаивающіе на-
земли, приводимые въ трепетъ грознымъ величіемъ Россіи! Бла-
народъ, покоящійся подъ сѣнію власти подобныхъ вѣнценосцевъ!
имся съ своей стороны и мы быть достойными его отеческихъ
ченій, чтя свято и вѣрно исполняя Его отеческія велѣнія, ибо въ
велѣніяхъ запечатлѣнъ залогъ собственнаго нашего благополучія.

Успѣшному ходу академическихъ занятій весьма много способ-
ствовало присутствіе Его Превосходительства г. попечителя, вникав-
лично во всѣ подробности управленія и распоряженій универси-
тетскаго попечителя, предложившаго и приведшаго въ исполненіе многія
важнѣйшія частіи улучшенія и своимъ ободреніемъ и наставленіями
возбуждавшаго живѣйшую дѣятельность въ учащихъ и учащихся.

Въ заключеніе университетъ своею обязанностию считаетъ упомя-
нуть и о томъ горестномъ, но неотвратимомъ обстоятельствѣ, которое
истекшемъ году, хотя и не на долго, тѣмъ не менѣ имѣло одна-
корово ошутительное вліяніе на обыкновенный ходъ академическаго
ученія. Бѣдствіе эпидеміи, посѣтившее Украину и Харьковъ за годъ
предъ симъ, понудило университетъ съ сожалѣніемъ прибѣгнуть къ
преращенію на нѣкоторое время преподаванія въ немъ публичныхъ
занятій. Сколь ни печальна была эта мѣра, при всемъ томъ самое *это*
дѣйствіе университета со стороны собственно теоретической учебной
дѣятельности было спасительной дѣятельностью его по медицинскому фа-
культету со стороны истинно практической на пользу страждущаго че-
ловѣчества, и бѣдствіе это, постигшее край нашъ, и патріотическіе
подвиги, соединенные съ благороднѣйшею отважностью къ восторже-
ствованію надъ гибельной эпидеміей со стороны почтенныхъ профес-
соровъ помянутаго факультета и ихъ достойныхъ учениковъ останутся
всегда незабвенными въ признательныхъ сердцахъ нашихъ сограж-
данъ. Многіе изъ васъ, достопочтеннѣйшіе посѣтители, были призна-
тельными очевидцами того умиленнаго самоотверженія, съ которымъ
молодые питомцы Эскулапа, едва сошедшіе съ ученическихъ ска-
меекъ, не дорожа собственною своею жизнью среди всеобщей пагубы,
стремились къ спасенію жизни своихъ соотчичей, руководимые духомъ
любви къ отечеству, вѣрою въ Бога и совѣтами своихъ попечительныхъ

наставниковъ и воскрешали въ нѣдрахъ семействъ жизнь и сладость надежды жизни. Многіе изъ этихъ юныхъ спасителей страждущаго человѣчества, одержавъ торжество надъ лютою болѣзнію, опустошавшей этотъ городъ, безъ необходимаго отдыха, безъ надеждъ честолюбія или корысти, съ однимъ пламеннымъ упованіемъ на Промыслъ и радушіемъ къ ближнему, съ однимъ запасомъ знаній, пріобрѣтеннымъ ими въ этомъ святилищѣ наукъ, составлявшихъ все ихъ стяжаніе, неслись, по призыву благотворнаго Правительства, въ страны далекия — бороться съ чудовищемъ, алкавшимъ поглотить города и цѣлыя провинціи — и возвратились послѣ великодушныхъ своихъ подвиговъ въ нѣдра воспитавшаго юность ихъ университета, встрѣчаемые привѣтной улыбкой добрыхъ наставниковъ, осыпаемые благодарностью начальства, возносимые въ мольбахъ къ Богу тысячами согражданъ, исторгнутыми ими изъ челюстей смерти“¹⁾).

Съ сильно патріотическимъ воззваніемъ — въ духѣ православія, самодержавія и народности — обратился Харьковскій университетъ къ обществу и на актѣ 1834 года.

„Въ сей торжественный день, когда мольбы всѣхъ сыновъ Россіи совокупляются въ одно душевное желаніе, да предметъ настоящаго празднества, надежда и чаяніе отечества, Высокій наслѣдникъ всероссійскаго престола, юная отрасль благословеннаго дома Романовыхъ, назидаемый великимъ примѣромъ Царя-Отца, преуспѣваетъ въ царственныхъ добродѣтеляхъ, когда въ престольномъ градѣ св. Петра водвигается исполинскій памятникъ доблестямъ въ Божѣ почивающаго миротворца Европы Александра Благословеннаго, Императорскій Харьковскій университетъ, рукою его насажденный, шествуя неослабно къ высокой цѣли, указуемой ему премудростію Царствующаго Государя Императора, въ *тридцатый* разъ начинаетъ поприще полезной своей дѣятельности — начинаетъ сѣять сѣмена общепользныхъ знаній въ приготовленные къ тому умы своихъ воспитанниковъ, съ тѣмъ благимъ, искреннимъ желаніемъ, да, при содѣйствіи всемогущей благодати Божіей, сѣмена эти возрастутъ нѣкогда въ древо великое, которое дастъ во время свои плоды добрые во славу Божію, на пользу Престолу и Отечеству, во сладость и утѣшеніе родителей учащагося въ университетѣ юношества; да изыдутъ изъ него просвѣщенные воины, справедливые и благоразумные судьи, искусные и челоуѣколюбивые врачи и вообще граждане, напитанные правилами христіанской нравственности и исполненные свойственныхъ издревле Русскому народу доблестей —

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. правл. № 3114/183.

ограниченной любви и преданности къ вѣрѣ, Царю и отечеству. Въ семъ состоитъ та высокая цѣль, къ которой должно стремиться народное просвѣщеніе; такого просвѣщенія требуетъ отъ насъ Вѣнценосная премудрость, возсѣдающая на Преславномъ Всероссійскомъ престолѣ, ибо такое только просвѣщеніе есть необходимое условіе народнаго благоденствія ¹⁾.

Эта же рѣчь содержитъ въ себѣ и оцѣнку дѣятельности только что вступившаго въ должность новаго попечителя Харьковскаго учебнаго округа гр. Ю. А. Головкина. „Одно изъ самыхъ важнѣйшихъ событій, коими ознаменовался въ лѣтописяхъ университета истекшій учебный годъ— есть перемѣна начальствующаго лица. По увольненіи д. ст. сов. В. И. Филатѣева, Высочайшею волею назначенъ на эту должность одинъ изъ первѣйшихъ вельможъ Россіи—его сіятельство д. т. сов., Двора Его Величества оберъ камергеръ, членъ Государственнаго Совѣта и разныхъ орденовъ кавалеръ гр. Ю. А. Головкинъ. Сей маститый старецъ вельможа при концѣ временнаго своего поприща испросилъ у Государя Императора званіе попечителя этого университета съ тѣмъ великодушнымъ намѣреніемъ, дабы быть еще полезнымъ Государю и Отечеству на поприщѣ народнаго просвѣщенія и оставить по себѣ память грядущему потомству. Кратковременное пребываніе его сіятельства въ Харьковѣ навсегда останется запечатлѣно въ сердцахъ всего сословія университета благодарнѣйшимъ воспоминаніемъ.

Прибывъ къ самому времени производимыхъ ежегодно испытаній, его сіятельство пожелалъ узнать настоящую степень познаній студентовъ и для того, не давъ достаточно времени для приготовленія, назначилъ имъ въ присутствіи своемъ публичное испытаніе, которое окончилось къ совершенному его сіятельства удовольствію; оно изъявлено въ самыхъ лестныхъ для всѣхъ преподавателей выраженіяхъ на имя ректора. Потомъ его сіятельство за найденные имъ успѣхи студентовъ изъявилъ признательность свою ректору и тѣмъ изъ профессоровъ и адъюнктовъ, по предметамъ коихъ его сіятельство имѣлъ случай удостоверить въ успѣхахъ ихъ слушателей, а въ заключеніе общалъ отличными студентамъ, оставляющимъ университетъ, и на новомъ поприщѣ ихъ служенія продолженіе отеческаго о нихъ попеченія.

Принявъ со всею кротостію и снисхожденіемъ предположенія о большемъ распространеніи университетскихъ преподавателей по всѣмъ отраслямъ наукъ, для чего подъ личнымъ предсѣдательствомъ его сіятельства составлены были частныя засѣданія факультетовъ, и вникнувъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. правл. № 3489/214.

со всею просвѣщенной внимательностію въ недостатки, отчасти заглажившіе надлежащій ходъ преуспѣянія университета, его сіятельство обѣщало употребить свое ходатайство къ устраненію ихъ на будущее время. Да исполнятся вскорѣ благія его предположенія! Кромѣ нуждъ самого университета, его сіятельство обратилъ свое вниманіе и на самыя первоначальныя училища для малолѣтнихъ дѣтей, предложивъ университету принять дѣятельныя мѣры къ учрежденію въ Харьковскомъ учебномъ округѣ школъ взаимнаго обученія по способу Ланкастера, для чего назначилъ особеннаго инспектора—чиновника, извѣстнаго опытностію въ этомъ дѣлѣ—инспектора Орловской гимназіи ас. Оедорова и возложивъ изысканіе средствъ къ скорѣйшему ихъ открытію на усердіе и дѣятельность почетныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ. Полученные отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отзывы не позволяютъ сомнѣваться въ счастливомъ успѣхѣ этого предначинанія¹⁾.

Мы не будемъ здѣсь касаться вопроса—на сколько удобно было университету входить въ оцѣнку дѣйствій новаго попечителя только что вступившаго на свой постъ, и ни слова не сказать при этомъ о дѣятельности его предшественника, вышедшаго въ отставку. Во всякомъ случаѣ университетъ отдавалъ какъ бы на судъ общества свою дѣятельность и это, конечно, поддерживало его связь съ этимъ послѣднимъ.

Харьковскій университетъ въ лицѣ своихъ профессоровъ попрежнему откликался также на практическіе запросы мѣстной жизни и этимъ, конечно, подымалось его значеніе, какъ полезнаго учрежденія въ краѣ.

Такъ, напримѣръ, въ 1816 году харьковскій губернаторъ Муратовъ обратился въ правленіе университета съ просьбою командировать въ слободы Межиричъ и Олешню Лебединскаго уѣзда для прекращенія появившейся тамъ на обывательскихъ лошадяхъ прилипчивой болѣзни—ветеринарнаго профессора, такъ какъ во всей губерніи вовсе не было тогда ветеринарнаго врача. Профессоръ Пильгеръ принялъ это предложеніе и отправился на борьбу съ заразой²⁾. Есть однако основаніе думать, что подобные случаи обращенія къ университету были теперь не столь часты, какъ въ первое десятилѣтіе.

Университетъ отмѣтилъ, наконецъ, доброжелательное отношеніе къ нему мѣстной администраціи въ лицѣ харьковского губернатора И. П. Бахтина, избравъ послѣдняго своимъ почетнымъ членомъ и выразивъ ему признательность черезъ особую депутацію въ составѣ профессоровъ

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Харьк. универ. архивъ. Д. Правл. № 1080/51.

Делявина, Шада и Рейта, по случаю увольнения его от должности ¹⁾ въ 1815 году.

Въ іюнѣ 1816 г. посѣтилъ Харьковъ Великій Князь Николай Павловичъ ²⁾.

Въ началѣ 1826 года Харьковскій университетъ принималъ участіе въ печальной церемоніи перевезенія черезъ Харьковъ тѣла скончавшагося государя Императора Александра I. Здѣсь произошелъ маленькій, но характерный инцидентъ, уже отчасти отмѣченный нами въ 1-й главѣ со словъ А. П. Кирпичникова: по церемониалу, профессорамъ университета отведено было очень низкое мѣсто въ похоронной процессіи. По этому поводу попечитель Перовскій обратился къ губернатору Муратову съ такимъ письмомъ. „Получивъ почтеннѣйшее отношеніе Вашего Превосходительства отъ 20 декабря и при немъ церемониаль для встрѣчи тѣла блаженной памяти Имп. Александра Павловича, я долгомъ считаю довести до свѣдѣнія Вашего, что мѣсто, назначенное въ этомъ церемониальѣ университету, не соотвѣтствуетъ достоинству этого высшаго учебнаго заведенія и степени, занимаемой имъ между государственными коллегіями. Какъ присутственное мѣсто, университетъ относится рапортомъ прямо въ Правительствующій Сенатъ, отъ котораго непосредственно получаетъ указы и по нему не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть поставленъ ниже уѣзднаго суда и врачебной управы. Какъ высшее ученое сословіе, управляющее учебными заведеніями въ 16 губерніяхъ Имперіи, онъ долженъ быть выше харьковскихъ института и кадетскаго корпуса. Это обстоятельство, основанное на Высочайше пожалованной грамотѣ и уставѣ университета, побуждаетъ меня просить Ваше Превосходительство распорядиться такимъ образомъ, чтобы университетъ въ печальной церемоніи занялъ мѣсто, соотвѣтственное Высочайше дарованнымъ ему привиллегіямъ. По мнѣнію моему, университетъ долженъ быть поставленъ или въ номерѣ 44-мъ (какъ отдѣльное управленіе) или между другими коллегіями, участвующими въ церемоніи.

Губернаторъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ и представителямъ университета отведено было высшее мѣсто—вмѣстѣ съ чиновниками Губернскаго Правленія и Палаты ³⁾.

Отмѣтимъ еще посѣщеніе нашего университета турецкими уполномоченными послами въ 1830 году. „Турецкіе уполномоченные, по словамъ ректора Дудровича, 8-го января осматривали Харьковскій университетъ, при чемъ прежде всего посѣтителемъ показано было по-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. Сов. 1815 г. № 52.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. Пр. № 1125/52.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1141/64.

мѣщеніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ, коего устройствомъ, чистою и опрятностью они восхищались; потомъ представлены всѣ своекоштные воспитанники въ студенческой библіотекѣ, находящейся въ томъ же флигелѣ: оттуда непосредственно проведены были посѣтителѣ въ кабинеты — математическій и астрономическій, технологическій и физическій; здѣсь представлены были профессора и прочіе университетскіе чиновники, сдѣланы нѣкоторые электрическіе опыты и поднесена записная книга, въ которой Галиль Паша записалъ имя свое турецкими и французскими буквами, съ прибавленіемъ мысли на турецкомъ языкѣ: *„основатель сего заведенія да пребудетъ столь же вѣчнымъ, какъ и самыя науки, въ немъ преподаваемыя“*. Изъ физическаго кабинета проведены были посѣтителѣ въ зоологическій и минералогическій кабинеты, потомъ въ университетскую библіотеку, гдѣ на сей случай помѣщенъ былъ и минцъ—кабинетъ. Всѣ же заведенія при университетѣ осматривали посѣтителѣ съ большимъ любопытствомъ и съ особеннымъ удовольствіемъ въ продолженіе двухъ часовъ—съ 10 до 1 часу утра, не смотря на сильный морозъ, простиравшійся за 16 градусовъ по Реомюру. Университетской клиники за усталостью Галиль Паша не пожелалъ уже видѣть¹⁾.

Кромѣ извѣстнаго уже намъ доноса на Харьковскій университетъ профессора Венедиктова былъ еще другой ложный доносъ Полтавскаго канцеляриста Черняева. Вотъ сообщеніе по этому дѣлу, сдѣланное почителемъ въ 1831 году Министру.

„Доношу Вамъ о происшествіи, которое по признанію самого доносителя и по изысканіи оказалось ложнымъ. Третьяго дня ночью присланъ былъ изъ Полтавы сюда въ Харьковъ отъ малороссійскаго военнаго губернатора князя Репнина служащій тамъ приказнымъ въ казенной палатѣ молодой человекъ Черняевъ, извѣстный здѣсь по нетрезвому своему поведенію и дурнымъ поступкамъ, ибо нѣкоторое время служилъ въ Харьковѣ и мать его также живетъ здѣсь. Предавшись нѣсколько дней пьянству, какъ сказывалъ мнѣ Полтавскій частный приставъ, привезшій его къ здѣшнему гражданскому губернатору, онъ вздумалъ сдѣлать доносъ, будто бы въ Харьковѣ, Одессѣ, Херсонѣ и Таганрогѣ съ 1829 года до декабря 1830 существовало общество заговорщиковъ, стремящихся разрушить правленіе и даже посягнуть на жизнь помазанника Божія и что экстраординарный профессоръ Харьковскаго университета Куницкій ему открылъ это и пригласилъ его быть переписчикомъ бумагъ и будто всѣ эти бумаги имъ и студентамъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1440/82.

Крейцомъ писанныя въ ящикѣ зарыты на университетскомъ бульварѣ и что въ нихъ найдется и планъ, и имена участвующихъ. Въ ту же ночь какъ привезенъ онъ къ губернатору, дѣланъ былъ обыскъ и нигдѣ ничего не найдено—и онъ сознался, что все это ложь, выдуманная имъ для погубленія собственно себя и что къ этому приведенъ онъ отчаяніемъ по многимъ несчастіямъ въ своей жизни. Онъ опровергъ всѣ показанія свои въ Полтавѣ и письменно отрекся при губернаторѣ, при мѣѣ, при ректорѣ, жандармскомъ начальникѣ подполковникѣ Бахметьевѣ, предсѣдателѣ гражданской палаты, совѣтникѣ губернскаго правленія, при частномъ приставѣ, привезшемъ его изъ Полтавы и при всѣхъ, кто ночью былъ посланъ съ нимъ для обыска.

Черняевъ—человѣкъ совсѣмъ потерянный, желающій себя погубить подобною клеветою. Куницкій былъ обысканъ и спрошенъ. Оказалось, что Черняевъ и въ домѣ у него не бывалъ, Черняевъ показывалъ въ Полтавѣ, что Куницкій въ 1829 году купилъ домъ для его матери, а Куницкій самъ бѣденъ и домъ купленъ самою матерью Черняева въ 1825 году въ Полтавѣ. Кромѣ этого показывалъ, что Куницкій говорилъ ему, будто бы здѣшній профессоръ Кронебергъ, извѣстный всѣмъ съ самой лучшей стороны, родившійся въ Россіи, человѣкъ семейный, образованный, лучшей нравственности и примѣрнаго поведенія, не участвовалъ, но зналъ объ этомъ, и также называлъ уже здѣсь достойнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ профессора Артемовскаго; и хотя ночью же онъ признался губернатору при всѣхъ тамъ бывшихъ, что все это ложь, имъ выдуманная, но не смотря на это губернаторъ, я и ректоръ были лично у вышеупомянутыхъ профессоровъ и лично осмотрѣвши всѣ ихъ бумаги, не нашли и малѣйшаго подозрѣнія; у Куницкаго же былъ ректоръ съ совѣтникомъ губернскаго правленія; Черняевъ вмѣшалъ было еще многихъ незначительныхъ лицъ, находящихся въ Харьковской губ., даже родного брата своего, но и отъ этого отрекся и признался, что онъ иныхъ въ лицо не знаетъ, но называлъ того, кто ему пришелъ на мысль, онъ теперь въ тюрьмѣ и преданъ законному суду.

Я счелъ нужнымъ увѣдомить объ этомъ происшествіи Вашу Свѣтлость и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше просить избавить нашихъ профессоровъ отъ дурнаго впечатлѣнія, что именно ихъ вмѣшалъ онъ въ этотъ случай, и смѣю увѣрить Вашу Свѣтлость, что они совсѣмъ не таковы, чтобы когда либо могли участвовать или знать и молчать о такихъ гнусныхъ поступкахъ; напротивъ, это люди вполне благонамѣренные и вѣрные Престолу и своему Государю, крайне огорченные и обиженные этимъ доносомъ.

Студентъ Крейцъ ночью былъ взятъ и обысканъ и также оказался невиненъ. Въ дополненіе о Черняевѣ не излишнимъ считаемъ довести, что онъ дорогой, гдѣ-то на станціи, захватилъ ножъ и хотѣлъ немедленно по приѣздѣ въ Харьковъ зарѣзать губернатора въ этомъ самъ признался еще дорогою полтавскому частному приставу, который его сюда везъ. Таковыя поступки хотя и показываютъ, что онъ сумасшедшій, но говорить хорошо, вѣжливо и писать складно, по сему юридически признать его сумасшедшимъ невозможно, хотя самъ онъ дикій. При теперешнихъ обстоятельствахъ, весьма непріятныхъ для насъ, происшествіяхъ и, кажется, малоросійскій военный губернаторъ поспѣшилъ отправленіемъ его сюда и не вникнулъ въ несообразность самого его доноса: 1) какъ зарывать ящикъ на такомъ мѣстѣ, которое въ глазахъ всей Залопанской части города и гдѣ безпрестанно варитъ въ движеніи, 2) Черняевъ говорить, что онъ переписывалъ бумаги, а содержанія не знаетъ—это показано имъ въ Полтавѣ¹⁾.

Въ этой прискорбной исторіи поражаетъ насъ необезпеченность въ тогдашнее время личности профессора. Самъ попечитель негодуетъ, что на основаніи явно несообразнаго и ложнаго доноса сочли возможнымъ подвергнуть обыску почтенныхъ уважаемыхъ, безупречныхъ въ политическомъ и нравственномъ отношеніи университетскихъ дѣятелей и вообще дать ходъ этому затѣйному дѣлу, которое произвело самое тягостное впечатлѣніе на профессоровъ, не получившихъ по видимому никакого удовлетворенія за испытанныя ими волненія и оскорбленія.

Изъ дѣлъ, имѣвшихъ политическую подкладку, слѣдуетъ отметить еще эпизодъ о бранной по адресу русскихъ надписи на польскомъ языкѣ, сдѣланной мѣломъ на стѣнѣ кладовой въ 1835 году. Надпись была буквально такова:

Ah wy, moskali,

Co wy mislycie? Wzieniscie

Polakow y glodem morzyciel!

Buh was pobyie y lzy bydnich ludzi,

Gdy wasze sumienie żalu wasz niewzbudzi.

Kto pyurem orze, piaskiem poszypuie,

Ten złota, sribła,

Skatuł taduye.

То есть: Ахъ вы, москали,

Что вы думаете? Забрали

Поляковъ и голодомъ морите!

¹⁾ Харьк. унив. Архивъ. Д. поп. № 1581/92.

Богъ и слезы бѣдныхъ людей васъ побьютъ,
Когда ваша совѣсть не возбудитъ въ васъ жалости.
Кто перомъ оретъ, пескомъ засыпаетъ,
Тотъ золотомъ, серебромъ сундуки набиваетъ.

Университетское начальство предполагало, что эту надпись могъ сдѣлать кто либо изъ поляковъ часовыхъ, находившихся при кладовой. Произведено было строжайшее слѣдствіе, но виновнаго не открыли ¹⁾.

ГЛАВА 4-я.

Студенты.

Въ первое десятилѣтіе существованія университета число студентовъ въ немъ было крайне недостаточно и это объяснялось главнымъ образомъ почти полнымъ отсутствіемъ въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа среднихъ подготовительныхъ школъ—гимназій. Правда эти послѣднія стали открываться со времени учрежденія университета, но должно было пройти извѣстное число лѣтъ, прежде чѣмъ могли появиться первые выпуски питомцевъ, окончившихъ въ нихъ курсъ наукъ. Въ изучаемый нами теперь періодъ времени гимназіи Харьковскаго учебнаго округа въ совокупности своей давали наибольшій контингентъ студентовъ въ нашъ университетъ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что и питомцы гимназій должны были тогда держать вступительные экзамены наравнѣ съ лицами домашняго образованія. Очевидно, университетъ могъ въ это время уже дѣлать извѣстный выборъ между окончившими гимназію; слѣдовательно, не нуждался такъ, какъ прежде, въ слушателяхъ и не долженъ былъ прибѣгать къ такимъ экстраординарнымъ мѣрамъ, какъ въ первое десятилѣтіе.

Что бы дать понятіе о томъ, какія учебныя заведенія давали своихъ воспитанниковъ Харьковскому университету, мы приведемъ статистическія данныя по этому вопросу за 1829 и 1832 годы.

Въ 1829 году экзаменовалось для поступленія въ университетъ 120 чел., принято было 112, не принято всего 8. Изъ Харьковской гимназіи принято 40 (всѣ), Екатеринославской 8 (всѣ), Новгородъ-Сѣверской 3 (изъ 4-хъ), Херсонской 1 (всѣ), Таврической 1 (изъ 3-хъ), Кіевской 1 (всѣ), Полтавской 4 (всѣ), Курской 3 (всѣ), Черниговской 2 (всѣ), Донской 1 (всѣ), Уманскаго училища 1 (всѣ), Махновскаго 1 (всѣ), Харьковскаго коллегіума 6 (всѣ), Курской семинаріи 1 (всѣ), Воронежской гимназіи 3 (изъ 4-хъ), домашней подготовки 5 (изъ 6), пансіона проф. Робуша 8 (всѣ), Ольденборгера 4 (всѣ), Роберти 5 (всѣ), пансі-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 2343/139.

„Записки Императ. Харьк. Универс.“

она при б. Царско-Сельскомъ лицѣѣ 1 (всѣ). Наилучшіе успѣхи обзавели воспитанники пансіона проф. Робуша ¹⁾.

По мѣсту и характеру своей подготовки студенты Харьковскаго университета въ 1832 году распредѣлялись такъ: наибольшій контингентъ дала Слободско украинская (Харьковская) гимназія—(82 чел.), затѣмъ слѣдуютъ въ нисходящемъ порядкѣ: Екатеринославская гимназія (29), Полтавская гимназія (19), пансіонъ Роберти въ Харьковѣ (16), Черниговская гимназія (13), пансіонъ Ольденборгера въ Харьковѣ (10), пансіонъ Робуша въ Харьковѣ (9), домашняго образованія (9), Харьковскій Коллегіумъ (7), Новгородъ-Сѣверская гимназія (7), Воронежская гимназія (6), Курская гимназія (5), Кіевская и Донская гимназіи (по 4), Курская семинарія (3), Херсонская гимназія (3), Таврическая гимназія (2), пансіонъ Коваленка въ Харьковѣ (2), Полтавская семинарія, Виленскій университетъ, Межирицкая гимназія, Московскій университетъ, Дерптскій университетъ, Царскосельскій благородный пансіонъ, Немировское уѣздное училище, Махновское повѣтовое училище, Бердичевское уѣздное училище, пансіонъ Московскаго университета, Кишиневскій пансіонъ, пансіонъ Пика—по одному; затѣмъ поступили 2 аптекарскихъ гизеля, губернский регистраторъ, учитель Валуйскаго училища, безъ документовъ 1. ¹⁾

Здѣсь останавливаетъ на себѣ наше вниманіе небольшой контингентъ студентовъ изъ лицъ, получившихъ домашнее образованіе. Очевидно, образованіе въ публичныхъ общественныхъ школахъ, которое такъ усердно пропагандировалось профессорами Харьковскаго университета, приобрѣло теперь широкую популярность и распространеніе въ обществѣ. Свѣтская школа получила теперь въ отношеніи доставляемаго контингента учащихся рѣшительное преобладаніе надъ духовною.

Любопытныя признанія о подготовкѣ и мотивахъ, руководившихъ молодыми людьми при поступленіи въ университетъ, дѣлаетъ авторъ извѣстныхъ намъ воспоминаній о Харьковскомъ университетѣ въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ Н.

„Вступилъ я, говоритъ онъ, въ число студентовъ Харьковскаго университета, въ 1828 году. Мнѣ было всего только 14 лѣтъ, и въ этомъ раннемъ возрастѣ я успѣлъ уже пройти весь учебный курсъ, каковъ требовался въ то время для вступительнаго экзамена въ университетъ.

Такому предварительному испытанію подвергались обязательно всѣ воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній, казенныхъ и частныхъ, равно какъ и получившіе домашнее образованіе. Но снисходительность

¹⁾ Харьк. унив. архивъ Д. сов. 1829. № 5.

²⁾ Харьк. унив. арх. Д. поп. № 1488/86.

тогдашнихъ требованій открывала широкій доступъ въ университетъ для многихъ изъ недоучившейся молодежи, къ числу которыхъ я не могу не причислить и себя, припоминая теперь всю ограниченность своихъ познаній и всей предварительной подготовки къ университету. Я избралъ для себя юридическій факультетъ, который по уставу назывался тогда этико-политическимъ, но которому студенты давали безразлично то или другое имя. Мною руководили не столько собственное влеченіе и призваніе къ той или другой отрасли наукъ, сколько желаніе отца, предназначившаго меня къ гражданской службѣ, выпавшей на его долю“.

Изъ гимназій въ университетъ для *приватнаго* посѣщенія лекцій принимали подъ часъ съ весьма слабыми успѣхами. Примѣромъ этого можетъ служить Воробьевъ, поступившій въ 1829 году съ согласія попечителя Перовскаго ¹⁾.

¹⁾ Вотъ его экзаменаціонное свидѣтельство.

„Имя: Иванъ Воробьевъ, Малороссійской Черниговской губерніи повѣтоваго города Мглина купца 3-й гильдіи Герасима Воробьева сынъ, родился въ ономъ городѣ Мглинѣ апрѣля 15 дня 1808 года.

Время посѣщенія гимназій: экзаменованный по начальномъ изученіи съ 5-го сентября 1820 года въ Мглинскомъ повѣтовомъ училищѣ, поступивъ Новгородсѣверской гимназій въ 1-й классъ Августа 1-го дня 1824 года, находился въ оной пять лѣтъ и изъ того 2 года въ третьемъ и 1 годъ въ четвертомъ классѣ.

Поведеніе: въ отношеніи къ соучащимся, скромностью и угожденіемъ содержалъ себя въ мирѣ и согласіи; въ отношеніи къ начальству, не было нравственныхъ поступковъ, за которые въ классическомъ домашнемъ и городскомъ его поведеніи подвергался бы отъ учителей и начальства обвиненію, и обыкновенныя классическія исправленія принималъ съ кротостію, успѣхи въ ученіи Закона Божія были *малые*.

Прилежаніе: при постоянномъ своихъ классовъ посѣщеніи, упуская въ теченіи нѣтъ способы образованія, не приложилъ трудолюбія и исправности въ исполненіи классическихъ уроковъ, задачъ, переводовъ и иныхъ требованій.

Познанія: экзаменованный въ латинскомъ языкѣ не только способности понятія писателей его и сочиненія на немъ не достигъ, но приложенія грамматическихъ правилъ въ изъясненіи мѣстъ его и твердаго знанія сихъ правилъ достаточныхъ реченій и правописанія не приобрѣлъ; въ началахъ греческаго языка *старанія никакого не было*; успѣхи въ географіи и древней исторіи *слабые*, въ хронологіи, древностяхъ, новѣйшей всемірной и Россійской исторіи *слабые*, по части математики въ алгебрѣ, геометріи и тригонометріи *малые*, въ приложеніяхъ алгебры и геометріи началахъ высшихъ исчисленій, высшей геометріи и механики *очень слабые*; въ естественной исторіи и физикѣ *слабые*; въ началахъ нѣмецкаго и французскаго языковъ *совершенно слабые*; въ знаніи правилъ Россійскаго и славянскаго языковъ, логики и риторики *слабые*; въ приложеніи оныхъ—въ сужденіи и слогѣ, въ экзаменаціонныхъ переводахъ, разборахъ и сочиненіяхъ, правильности въ почеркѣ чистописанія *хорошіе*.

Нынѣ же онъ Воробьевъ по прошеніи отца его для усовершенствованія въ наукахъ отъ сей гимназій уволенъ, въ чемъ и сіе третьяго номера экзаменаціонное сви-

Приемные экзамены въ университетѣ вообще не всегда отличались должною строгостью или, точнѣе говоря, мы замѣчаемъ въ нихъ рѣзкіе переходы отъ снисходительной слабости къ слишкомъ уже суровой строгости.

Извѣстный намъ проф. Кронебергъ, вступивъ въ исправленіе обязанностей ректора, подалъ попечителю записку, въ которой предложилъ рядъ мѣръ для упорядоченія приема въ университетъ молодыхъ людей.

„Въ величайшемъ безпорядкѣ нашелъ я въ Правленіи, писалъ онъ списки студентовъ. Немедленно приказалъ я сдѣлать особую большаго формата книгу, въ которой въ особыхъ графахъ вносятся имена студентовъ и вольнослушающихъ, званіе и жительство ихъ родителей, гдѣ обучались, съ какими познаніями поступали въ Университетъ, въ какой факультетъ, когда принятъ и когда выбылъ, такъ что для потребной свѣдѣній о какомъ-либо студентѣ не нужно болѣе рыться въ журналахъ, а стоитъ только открыть эту книгу.

Приемъ въ студенты дѣлался безъ всякаго порядка. Я принявъ въ исполненіе § 107 устава Университетскаго, назначивъ Комитетъ изъ членовъ—орд. профессора Даниловича, экстр-орд. профессоровъ Байкова и Венедиктова и кандидата Сокальскаго, поручивъ имъ, сообразно предписанію бывшаго Г-на Министра Народ. Просвѣщенія отъ 10-го мая 1820 года, экзаменоватъ изъ всѣхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіяхъ. Прилагаю у сего и самыя правила, и копію съ предписанія Министра. Этими экзаменамъ ведется журналъ, изъ него дѣлается представленіе Правленія; лучшіе удостоиваются, слабымъ отказъ безъ всякаго лицепріятія. Дѣйствія этого комитета я считаю особенно важными: 1) университетъ не наполнится пустыми головами, считаясь его только средствомъ къ полученію чина 12-го класса. 2) прилежаніе, котораго по настоящее время не видно было, воскреснетъ и сдѣлается современемъ общею добродѣтелью студентовъ; 3) весьма важно и то, что обнаруживаются дѣйствія гимназій и пансіоновъ; большею частью степени познаній, въ аттестатахъ показанныя, ни мало не соответствуютъ настоящимъ познаніямъ экзаменуемыхъ. Если и теперь эти экзамены имѣютъ то благодѣтельное послѣдствіе, что многіе издѣлство ему на основаніи постановленій начальства за подписаніемъ директора и учителей гимназій съ приложеніемъ гимназической печати дано 1829 года іюля 7-го. На подлинномъ подписалъ директоръ Ілья Тимковскій. Законоучитель протоіерей Стефанъ Денисовичъ, учитель латинскаго и греческаго языковъ Кирилль Капизинъ, учитель философіи и російской словесности Григорій Македонскій, учитель математическихъ наукъ Иванъ Обитневъ. Учитель естественныхъ наукъ и инспекторъ училищъ Герасимъ Ивановскій. Учитель рисованія и черченія Степанъ Кирилловъ. (Тимковскій унив. архивъ).

вращаются опять въ тѣ мѣста, гдѣ учились, то чтобъ доставить этому комитету сильнѣйшее вліяніе на учебныя заведенія, подвѣдомныя Университету, считаю и необходимо нужнымъ, по окончаніи пріема, опубликовать дѣйствія этого комитета и обратить на нихъ вниманіе директоровъ, учителей и содержателей пансіоновъ, дабы такимъ образомъ возбудить ихъ дѣятельность и возстановить тѣснѣйшую связь между гимназіями и Университетомъ, которая совершенно прервана. На это испрашиваю позволенія Вашего Превосходительства. О ежегодныхъ публичныхъ экзаменахъ, какъ средствахъ къ возбужденію и поддержанію прилежанія, буду имѣть честь войти къ Вашему Превосходительству съ особымъ представленіемъ“.

Испытательный комитетъ, составленный ректоромъ Кронебергомъ, имѣлъ 22 засѣданія, продолжавшіяся не менѣе 4 час. каждое, и представилъ затѣмъ слѣдующій отчетъ о результатахъ своей дѣятельности.

Всѣхъ, подвергшихся экзамену, было 58 душъ. Изъ Слободско-Украинской гимназіи принято было 2, не принято 13 (хуже всего отвѣты были по латинскому языку); изъ Полтавской гимназіи принято 4, не принято 3 (наиболѣе слабые отвѣты были по естественной исторіи); изъ Екатеринославской гимназіи принять 1, не принято 6 (хуже всего отвѣчали по латыни); изъ Курской гимназіи принято было 2, не принято 2 (наименьшіе успѣхи были по математикѣ); изъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи принять былъ 1, не принято 4; изъ Черниговской гимназіи принять 1, не принять 1; изъ Нѣжинской гимназіи принять 1; изъ пансіона Робуша одинъ явился и не принять; изъ Немировскаго высшаго уѣзднаго училища явился и принять 1; изъ Межирицкаго явился и не принять 1; изъ Воронежской гимназіи 1 принять и 1 не принять; изъ Саратовской гимназіи явился и не принять 1; изъ семинарій принять 1, не принято 4; домашняго образованія принято 4, не принято 2; всего изъ 58 явившихся принято 19 чел., т. е. ок. 33%¹⁾.

Очевидно, комитетъ изъ желанія проявить спасительную строгость, нѣсколько переусердствовалъ, ибо нельзя же въ самомъ дѣлѣ признать нормальнымъ такой тиражъ. Въ 1828 году процентъ принятыхъ оказывается уже несравненно болѣе значительнымъ.

Изъ отчета испытательнаго комитета о пріемѣ въ студенты Харьковскаго университета въ 1828 году оказывается: изъ Харьковской гимназіи было принято 18 душъ (въ томъ числѣ Егоръ Гордѣенко), не принято 7; изъ Полтавской принято 4; изъ Черниговской принято 5, не принять 1; изъ Екатеринославской удостоено 11 (въ томъ числѣ Гри-

¹⁾ Харьк. унив. арх. Д. поп. № 1207/67.

горій Рындовскій), не удостоено 2; изъ Херсонской гимназіи принято 1; изъ Новочеркасской экзаменовался и не принять 1; изъ Воронежской гимназіи принять 1; изъ пансіона Робуша принято 4; изъ пансіона Ольденборгера принято 6 (въ томъ числѣ Петръ Любовскій); не удостоенъ 1; изъ пансіона Роберти принято 3; не выдержалъ 1; изъ Бердичевского училища удостоенъ 1; изъ Уманскаго училища удостоенъ 1; изъ семинарій принято 7, не удостоено 3; изъ приватнослухавшихъ лекціи при университетѣ принято 4, не удостоенъ 1; изъ иррично державшихъ экзаменъ принято 4 (два Харьковской, 1 Курскій, 1 Таганрогской гимназій); не принято 2; всего принятыхъ 41, не принятыхъ 18, т. е. ок. 25% ¹⁾).

Попечитель Филатьевъ по собственной инициативѣ и собственной властью установилъ правила пріемныхъ экзаменовъ въ университетѣ для лицъ, желавшихъ поступить въ студенты; ихъ нужно было экзаменовывать, примѣняясь къ гимназическимъ программамъ преподаванія ²⁾.

Въ 1833 году опять примѣнены были особыя строгости въ случаѣ замѣчаній, сдѣланныхъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Въ 1833 г. Министръ Уваровъ писалъ попечителю Филатьеву.

По Высочайшему указу 9-го ноября 1831 г. велѣно было принимать въ студенты только лицъ, окончившихъ съ успѣхомъ полный гимназическій курсъ съ одобрительными аттестатами или выдержавшихъ въ университетѣ строгій вступительный экзаменъ. Къ сожалѣнію дошли слухи, что это Высочайшее повелѣніе не во всей строгости соблюдается по Харьковскому университету,—изъ 124 человѣкъ, принятыхъ въ студенты, 52 человѣка допущены съ обязательствомъ слушать въ университетѣ нѣкоторые существенные учебные предметы, изъ нихъ они или вовсе не выдержали испытанія, или худо аттестованы испытательнымъ комитетомъ, а 9 человѣкъ поступили изъ Московскаго университета и можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ оставили университетъ не добровольно. Въ заключеніе Министръ требовалъ неусыпнаго наблюденія, и разборчивости какъ при вступленіи молодыхъ людей въ студенты, такъ при выпускѣ ихъ изъ университета.

Многіе изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ и пансіонахъ и получившихъ домашнее образованіе выдержали въ 1833 г. удовлетворительно вступительный экзаменъ въ университетѣ, но бывшій попечитель Филатьевъ увезъ съ собою, не возвратилъ и не утвердилъ этихъ лицъ,—и потому они формально и не могли быть зачислены въ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1281/72.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1242/71.

студенты. Въ виду этого они были допущены для приватнаго слушанія лекцій въ университетѣ; въ числѣ ихъ былъ Н. И. Костомаровъ.

Въ 1834 году приемные экзамены для лицъ, желавшихъ вступить въ число студентовъ, были очень строги. Всего держало экзаменъ 115 человекъ, а принято было 55, т. е. менѣе 50%. Изъ этихъ 115 человекъ 4 было изъ Нѣжинскаго лицея, 1 изъ Одесскаго Ришельевского лицея, изъ гимназій 61, въ томъ числѣ Слободско-Украинской, т. е.— Харьковской 25, Екатеринославской—8, Полтавской 6, Новочеркасской 4, Черниговской 4, Воронежской 3, Курской, Херсонской, Кіевской по 2, Таврической, Бѣлостокской, Новгородъ-Сѣверской, Подольской и Смоленской по 1; изъ разныхъ семинарій 14, изъ пансіоновъ 21, изъ Одесскаго еврейскаго училища 1, получившихъ домашнее образованіе 13. Изъ нихъ выдержало экзаменъ: 2 изъ Нѣжинскаго лицея (половина), 14 изъ Слободско-Украинской гимназіи (изъ 25), 5 изъ Екатеринославской (изъ 8), по 2 изъ Полтавской и Черниговской (изъ 6 и 4), по 1 изъ Воронежской, Таврической, Курской, Херсонской, Новочеркасской и Бѣлостокской (изъ 3, 1, 2, 2, 4, 1); изъ семинарій 6 (изъ 14), изъ пансіоновъ 14 (изъ 21), изъ Одесскаго еврейскаго училища 1 (1), изъ домашнего образованія 3 (изъ 13). Такимъ образомъ, наименьшій процентъ дала категорія лицъ, получившихъ домашнюю подготовку, за тѣмъ идутъ Новочеркасская, Полтавская гимназіи, Воронежская семинарія, Черниговская, Курская и Херсонская гимназіи, Нѣжинскій лицей; остальные дали болѣе 50% общаго числа, между тѣмъ какъ перечисленные нами 50% и менѣе того.

Узнавъ о результатахъ экзаменовъ, попечитель (гр. Головкинъ) обратился къ ректору университета съ такимъ любопытнымъ похвальнымъ словомъ. „Образованіе университетское для молодаго человека есть основа всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей и будущихъ успѣховъ его на поприщѣ службы. Права, Высочайше дарованныя оканчивающимъ курсъ воспитанникамъ университетовъ, упрочиваютъ ему путь къ достиженію всѣхъ мѣстъ и почестей гражданской службы; по этимъ причинамъ начальство университета священнымъ долгомъ обязано блюсти какъ за успѣхами въ наукахъ, такъ и за сохраненіемъ чистой и непорочной нравственности юношества, ему порученнаго, и должно быть весьма разборчиво при выпускѣ воспитанниковъ, а посему и въ приемѣ ихъ въ университетъ взыскательно, ибо университетское образованіе поконится только на прочномъ основаніи гимназическаго, и я съ удовольствіемъ усмотрѣлъ изъ доставленныхъ мнѣ свѣдѣній о принятыхъ воспитанникахъ въ университетъ на сей академическій годъ разборчивость и законную строгость дѣлаемыхъ имъ при вступленіи испытаній,

ибо изъ числа явившихся къ экзамену 115 человекъ принято только 55, за что предлагаю вамъ сообщить мою совершенную признательность письменно каждому изъ членовъ бывшаго испытательнаго комитета.

Ознакомившись съ условіями приѣма молодыхъ людей въ Харьковскій университетъ, сообщимъ теперь нѣкоторыя статистическія данныя о числѣ студентовъ въ немъ за періодъ времени съ 1815 г. по 1835 г.

Но здѣсь же мы должны предупредить читателя, что не можемъ привести собственныхъ точныхъ свѣдѣній по этому интересному вопросу, а должны ограничиться главнымъ образомъ сообщеніемъ данныхъ, которыя собраны и разработаны, по порученію университетскаго начальства, архивариусомъ университетскаго архива Е. М. Ивановымъ и которымъ самъ онъ придаетъ только относительную степень достовѣрности. Дѣло въ томъ, что факультетскихъ документовъ за этотъ періодъ почти не сохранилось, не имѣется поэтому точныхъ и систематическихъ за всѣ годы свѣдѣній о числѣ студентовъ. Благодаря этому, Е. М. Иванову пришлось собирать эти данныя въ разныхъ дѣлахъ и документахъ, гдѣ только попадались свѣдѣнія о студентахъ: естественно, что, при такихъ условіяхъ съ одной стороны явились пробѣлы, а съ другой оказалось невозможнымъ приурочить всѣ свѣдѣнія къ одному моменту, ибо одни изъ нихъ относились къ концу академическаго, а другіе гражданскаго года. Мы приведемъ данныя Е. М. Иванова исправимъ и дополнимъ ихъ нѣкоторыми новыми матеріалами. Разъ приходилось прибѣгать къ сложнымъ подсчетамъ, могли получиться и ошибки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мои цифры расходятся съ данными Е. М. Иванова.

За 1815-й годъ свѣдѣній о числѣ студентовъ нѣтъ. Въ 1816 году ихъ было, по свѣдѣніямъ К. Фойгта, 122 чел. За 1817-й и 1818-й годы свѣдѣній нѣтъ. Въ 1819—20 *академическомъ году* ихъ было 200 чел., въ 1820—21—195, въ 1821—22—213, въ 1822—23—165, въ 1823—24—245; *къ концу 1825 гражданского года*—346, 1826—305, 1827—260, 1828—237, 1829—334, 1830—265, 1831—247, 1832—282, 1833—244; къ 1-му сентября 1834 года—261; къ концу 1835—263.

Въ приведенныхъ данныхъ насъ поражаютъ сильныя колебанія въ ростѣ студентовъ; наиболѣе благопріятными являются — 1825-й, 1829-й и 1826-й годы; съ 1819-го года цифры колеблются между 165 и 346 чел.; первая половина двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ во всемъ случаѣ не являются временемъ прогресса.

Любопытно распредѣленіе студентовъ по сословіямъ и факультетамъ. Вотъ два относящіеся сюда примѣра.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. Правл. № 2017/128.

²⁾ Харьк. унив. арх. Дѣло Сов. 1902 г. № 253.

Въ 1825 году, по моему подсчету, который расходится съ данными Е. М. Иванова, въ Харьковскомъ университетѣ было 358 студентовъ, которые по *сословіямъ* распредѣлялись такъ: дворянъ было 181, чиновниковъ (военныхъ и гражданскихъ)—103, духовнаго званія—32, разночинцевъ—28, иностранцевъ 8. Дворяне, какъ мы видимъ, составляли преобладающую массу—большинство, за ними идутъ чиновники; разночинцы составляли такое же ничтожное меньшинство, какъ и лица духовнаго званія. По *факультетамъ* они распредѣлялись такъ: 129 (въ томъ числѣ 127 студентовъ и 2 вольнослушателя) на юридическомъ факультетѣ, 97 (въ томъ числѣ 95 студентовъ и 2 вольнослушателя) на медицинскомъ факультетѣ, 79 (въ томъ числѣ 74 студента и 5 вольнослушателей) на словесномъ факультетѣ и 53 (въ томъ числѣ 37 студентовъ и 16 вольнослушателей) на физико-математическомъ факультетѣ¹⁾.

Въ 1828 году было 254 студента, въ томъ числѣ казенно-коштныхъ 41, своекоштныхъ 174, вольнослушателей 24, privato-слушающихъ 15²⁾.

Въ 1830 году было 247 студентовъ (по даннымъ Е. М. Иванова 265), которые по *сословіямъ* распредѣлялись такъ: дворянъ 131 (въ томъ числѣ 17 казенно-коштныхъ и 114 своекоштныхъ), чиновниковъ 61 (въ томъ числѣ 23 казенно-коштныхъ и 38 своекоштныхъ), разночинцевъ 38 (въ томъ числѣ казенно-коштныхъ 8, своекоштныхъ 5 и вольнослушателей 25), духовныхъ 13 (въ томъ числѣ 1 казенно-коштный и 12 своекоштныхъ), иностранцевъ 4 (въ томъ числѣ 1 казенно-коштный и 3 своекоштныхъ). Всѣхъ казенно-коштныхъ студентовъ было 50; остальные своекоштные и вольно-слушатели. По факультетамъ они распредѣлялись такъ: на юридическомъ—96, на медицинскомъ 73, словесномъ 49, физико-математическомъ—29.

Въ 1832 году въ Харьковскомъ университетѣ было 276 студентовъ (по даннымъ Е. М. Иванова, 282), которые по *сословіямъ* распредѣлялись такъ: дворянъ 127 чел., чиновниковъ 68, разночинцевъ 61, иностранцевъ 11, духовнаго званія 9³⁾.

Въ 1828 году принятые въ студенты молодые люди по факультетамъ распредѣлялись такъ: на этико-политическій поступило 25 своекоштныхъ и 1 вольнослушатель; на физико-математическій—2 казенно-коштныхъ, 5 своекоштныхъ и 2 вольнослушателя; на словесный—3 казенно-коштныхъ, 11 своекоштныхъ и 1 вольнослушатель; на медицинскій—2 казенно-коштныхъ, 13 своекоштныхъ и 4 вольнослушателя.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1120/63.

²⁾ Харьк. унив. арх. Д. 1829 г. № 37.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Д. поп. № 1677/99.

Итого, на этико-политическій 26 чел., на медицинскій—19, на словесный—15, на физико-математическій 9 ¹⁾).

Такимъ образомъ, по числу студентовъ факультеты тогда шли въ слѣдующемъ порядкѣ: на первомъ мѣстѣ стоялъ юридическій, на второмъ медицинскій, на третьемъ словесный и на четвертомъ физико-математическій.

По сословіямъ студенты распредѣлялись такъ, что дворяне представляли наиболѣе многочисленную группу, за ними слѣдовали сыновья военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; группа разночинцевъ, лицъ дворянскаго званія и иностранцевъ была не велика. Лица податныхъ сословій должны были представлять при поступленіи въ университетъ увольнительные свидѣтельства отъ своихъ обществъ. Въ 1828 году былъ, напримѣръ, принятъ въ вольнослушатели университета мѣщанинъ изъ евреевъ Александръ Моисеевичъ Юзefовичъ на основаніи увольнительнаго свидѣтельства, выданнаго ему Тульчинскимъ мѣщанскимъ обществомъ ²⁾).

Въ 1818 году само Министерство Народнаго Просвѣщенія приняло вопросъ объ увеличеніи числа казеннокоштныхъ студентовъ въ медицинскому факультету, что было вызвано недостаткомъ врачей. Имъ

¹⁾ Харьк. унив. арх. Д. поп. № 1297/73.

²⁾ Чтобы дать понятіе о содержаніи такихъ увольнительныхъ свидѣтельствъ, приведемъ текстъ настоящаго. „По указу Его Императорскаго Величества Подольской губерніи изъ Брацлавскаго городского магистрата Брацлавскому мѣщанину изъ евреевъ Александру Клейль Моисееву сыну Юзefовичу, по поданному имъ въ магистратъ прошеніи, представленному при ономъ отъ Тульчинскаго общества увольнительному свидѣтельству и учиненной съ дѣлами магистрата выправкѣ въ томъ, что сіе общество, по предпріятію его Александра Юзefовича вступить въ университетъ Россійской Имперіи для изученія медицины или въ ученое какое общество либо другой какой классъ людей, къ переходу закономъ дозволенный, не находя за нимъ никакихъ препятствій добровольно изъ своего сословія и отъ всѣхъ сопряженныхъ съ теперешнимъ званіемъ его обязанностей освободило, съ таковымъ, сходно указу 30 апр. 1822 г. ограниченіемъ, что упомянутое Тульчинское общество обязалось за него Юзefовича уплачивать до будущей ревизіи всѣ подати и отбывать повинности, ежели бы онъ прежде той ревизіи не былъ исключенъ изъ податнаго званія, по поступленіи же въ службу бездомно и прекословно. Увольненіе сіе, если бы Александръ Юзefовичъ до будущей ревизіи поступилъ въ какое либо ученое званіе или въ службу казенную, не будетъ имѣть болѣе затѣмъ силы и обязанъ въ такомъ разѣ подать о себѣ въ новыя ревизскія списки. До поступленія въ ученое званіе или въ службу долженъ получать паспорта платные. Состоить по послѣдней 1816 года ревизіи по мѣстечку Тульчину подъ № 306 и за умертвіемъ отца своего Моисея Юзefовича почитается въ семействѣ его одною душею, есть безпорочнаго поведенія и со стороны городского магистрата такъ же никакого законнаго препятствія не имѣется. Дано за подписомъ присутствующихъ съ приложеніемъ казенной печати въ городѣ Брацлавѣ августа 22 1828 г. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1281/72., стр. 62—63).

справокъ выяснилось, что до 1810 года число студентовъ медиковъ въ Харьковскомъ университетѣ было ничтожно, но съ указаннаго года стало возрастать, такъ что изъ 40 человекъ казеннокоштныхъ студентовъ и кандидатовъ медиковъ было до 20 чел. Но такъ какъ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ предназначался главнымъ образомъ для подготовки учителей, то возбуждено было ходатайство объ ассигнованіи сверхъ того 6000 р. для содержанія 15 студентовъ и 5 кандидатовъ медицинскаго факультета; это ходатайство въ 1815 году было удовлетворено и эти 20 медиковъ помѣщались съ тѣхъ поръ въ особомъ наемномъ домѣ.

Медицинскій факультетъ по этому поводу сдѣлалъ представленіе объ увеличеніи числа казеннокоштныхъ студентовъ на медицинскомъ факультетѣ съ такимъ расчетомъ, чтобы ежегодно принималось ихъ по 40 чел., а въ теченіе всего 4-хъ лѣтняго курса было бы принято 160 чел. Но правленіе университета заявило, что такого числа не вмѣстятъ аудиторіи и учебновспомогательныя учрежденія, равно не найдется ни мѣста, ни средствъ на ихъ содержаніе (для этого понадобилось бы 68000 руб.) ¹⁾

Попечитель со своей стороны находилъ, что ежегодный пріемъ 40 казеннокоштныхъ студентовъ на медицинскій факультетъ окажется невозможнымъ вслѣдствіе недостаточныхъ размѣровъ университетскихъ помѣщеній; Комитетъ Министровъ утвердилъ прибавку 20 новыхъ вакансій.

Въ 1819 г. было Высочайше разрѣшено принимать въ казеннокоштные студенты медицинскаго факультета лицъ податного состоянія ²⁾.

Обратимся теперь къ весьма важному вопросу о занятіяхъ студентовъ и постараемся освѣтить его на основаніи мемуаровъ и документальныхъ данныхъ.

Извѣстный намъ проф. Венедиктовъ сообщаетъ о занятіяхъ студентовъ того времени, когда онъ самъ состоялъ въ ихъ числѣ, слѣдующія свѣдѣнія.

„Занятія студентовъ были большія и были отличныя профессора. Казеннокоштные занимались прилежно отъ Рождественскихъ праздниковъ, крѣпко занимались, да и должны были заниматься, иначе неуспѣвшаго студента могли послать приходскимъ учителемъ. Медики, впрочемъ, этого не боялись, потому что ихъ опредѣленіе зависѣло отъ медицинскаго департамента. Но при мнѣ не было случая исклю-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ Д. сов. 1819, № 30.

²⁾ Харьк. унив. архивъ Д. пом. № 538/27. Сборн. постановл. по Мин. Народ. Просв., т. 1-й, стр. 762/192.

ченія студентовъ-медиковъ, — были превосходные студенты; нѣкоторыхъ только выпускали лекарями 3-го курса. Медики раздѣлялись на 3 степени, имѣвшія значеніе при производствѣ въ чины. Изъ варищей моихъ, медиковъ, получившихъ послѣ извѣстность, упомяну Вас. Матв. Черняева, Ник. Ив. Еллинскаго, послѣ ректора университета, Ив. Ив. Сухомлинова, послѣ профессора химіи въ университетѣ и другихъ. Студентъ Гнѣдичъ (братъ бывшаго тогда въ Харьковѣ протодіакона, послѣ протоіерея) былъ посланъ за границу для усовершенствованія въ хирургіи“.

Весьма важныя и любопытныя свѣдѣнія о занятіяхъ Харьковскихъ студентовъ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ бывшій студентъ Харьковскаго университета Н. Воспоминанія его относятся къ концу 20-хъ и началу 30-хъ годовъ. „Въ изученіи разныхъ предметовъ своего факультета студенты, говоритъ онъ, по большей части ограничивались профессорскими записками и лекціями. Едва ли впрочемъ и представлялась тогда возможность пополнять эти свѣдѣнія чѣмъ либо другимъ. Наша русская литература была въ то время весьма небогата учеными трудами. Недостатокъ ученыхъ трудовъ и изслѣдованій по всѣмъ отраслямъ наукъ могли бы пополнять только произведенія иностранныхъ литературъ французской и нѣмецкой; но немногіе изъ студентовъ знали тогда оба эти языка и даже одинъ изъ нихъ на столько, чтобы свободно могли читать авторовъ. Однако были студенты, которые во все продолженіе университетскаго курса усердно и прилежно изучали иностранные языки и многіе изъ нихъ усвоили себѣ знаніе одного или нѣсколькихъ изъ нихъ. Явилось не мало охотниковъ и къ изученію восточныхъ языковъ. Я могу указать на двухъ слушателей Дорна (Унтиловъ и Тимошевскій), которые до того успѣли въ языкахъ—арабскомъ и персидскомъ, что къ концу своего курса уже довольно свободно, хотя и не безъ помощи лексикона, читали произведенія той и другой литературы. Въ трехъ факультетахъ: этико-политическомъ, словесномъ и физико-математическомъ установленъ былъ для студентовъ трехлѣтній курсъ ученія; но для медиковъ онъ продолжался 4 года, хотя послѣдній посвящался большею частію практическимъ занятіямъ въ клиникахъ университета. Лекціи въ университетѣ продолжались ежедневно отъ 8 до 12 часовъ утра (кромѣ богословія отъ 7 до 8 час.) и отъ 2-хъ до 6 час. пополудни. Перерывъ отъ 12 до 2-хъ часовъ предназначался для обѣда. Иногда лекціи сопровождались и ренетиціями продолжнаго, при чемъ полученныя студентами отмѣтки принимались во вниманіе и на экзаменахъ. Эти послѣдніе подраздѣлялись тогда на курсовые или ежегодные и окончательные—первые для перехода въ слѣ-

дующій высшій курсъ, а вторые—по всѣмъ предметамъ факультета для полученія университетскаго атестата со степенью дѣйствительнаго студента или же кандидата. Эту послѣднюю степень получали (за отличіе) весьма немногіе изъ окончившихъ курсъ, нерѣдко одинъ или два; а если ихъ оказывалось три или болѣе, то такой курсъ считался уже примѣрнымъ. Выпущенные изъ университета дѣйствительными студентами могли получить степень кандидата не ранѣе года, но не иначе, какъ представивъ предварительно диссертацию и выдержавъ вновь экзаменъ по всѣмъ предметамъ своего факультета. Въ университетѣ желающіе могли обучаться также и изящнымъ искусствамъ подъ руководствомъ особыхъ учителей, пользовавшихся тогда правомъ службы, изъ нихъ Ф. Ф. Репнинъ обучалъ рисованію, И. А. Лозинскій и А. М. Витковский музыкѣ и И. В. Строцкій—танцамъ. Два раза лекціи въ университетѣ пріостанавливались по такой причинѣ, надъ которою, пожалуй, и посмѣются въ настоящее время. Такіе перерывы случались обыкновенно во время весенней и осенней распутицы, когда немощенные улицы Харькова покрывались глубокою и непроходимую грязью. Въ ней пѣшеходы теряли свои калоши и съ ногъ до головы были обрызгиваемы колесами ѣдущихъ экипажей. Въ такую пору студентамъ объявляли, что лекціи прекращаются впродъ до перваго мороза; но часто эти *грязные* каникулы продолжались отъ одной до двухъ недѣль“.

Весьма любопытныя свѣдѣнія о харьковскихъ студентахъ половины 30-хъ годовъ сообщаетъ по своимъ личнымъ воспоминаніямъ и впечатлѣніямъ бывшій студентомъ въ Харьковскомъ университетѣ Н. И. Костомаровъ. „О характерѣ студентской корпораціи того времени можно замѣтить, говоритъ онъ, что она не имѣла крѣпкой солидарности; кромѣ слушанія лекцій не было между студентами взаимныхъ интересовъ и потому не на чемъ было образоваться связи, которая бы привязывала каждаго ко всему кругу товарищей, по принадлежности его къ студенческому званію. Студенты знакомились и дружились между собою по случаю или по особымъ личнымъ сочувствіямъ и потому можно было пробыть въ университетѣ нѣсколько лѣтъ сряду и не быть знакомымъ съ товарищами одного курса; не говорю уже о студентахъ разныхъ факультетовъ, между которыми не было даже единенія по поводу лекцій. Во все время своего студенчества и я мало сближался съ товарищами, хотя съ тѣми, съ которыми случай доставилъ возможность быть знакомымъ. находился въ хорошихъ отношеніяхъ. Тогдашнихъ студентовъ, по ихъ склонностямъ и развитію, можно раздѣлить на слѣдующіе разряды: 1) сынки богатыхъ родителей, обыкновенно помѣщенные ими у профессоровъ и отличавшіеся франтовствомъ и ша-

лопайствомъ; вся цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы какими бы то ни было средствами, хотя бы и недостойными, получить въ свое время дипломъ на степень кандидата или дѣйствительнаго студента; при господствовавшей издавна продажности въ Харьковскомъ университетѣ это было не трудно; профессоры были снисходительны къ пансіонерамъ своихъ товарищей, такъ какъ у нихъ самихъ были пансіонеры, нуждавшиеся въ протекціи. Manus manum lavat (рука руку моетъ), говаривали они по этому поводу. Проболтавшись три года въ Харьковѣ, батюшкины или матушкины сыночки получали ученую степень, дававшую право на классный чинъ и потомъ уѣзжали въ родительскую берлогу и выпатывали себѣ какую нибудь номинальную должность, на примѣръ, почетнаго смотрителя училищъ, либо депутата въ дворянскомъ собраніи, или что нибудь подобное, чѣмъ, какъ извѣстно, была обильна наша старая Русь матушка, иногда же вступалъ въ военную службу, дѣлаясь адъютантомъ у какого нибудь генерала, а послуживши нѣсколько удалялся въ свое имѣніе. 2) Молодые люди, видѣвшіе впереди себя цѣлью службу; они до извѣстной степени учились порядочно, въ прямой любви къ наукѣ у нихъ было мало. Кромѣ медиковъ, которые естественно шли своею дорогою, сюда слѣдуетъ причислить всѣхъ тѣхъ, которые по окончаніи курса шли въ гражданскую службу и стремились въ Петербургъ, который для нихъ былъ, такъ сказать, обѣтованною землею; Харьковскій университетъ доставлялъ большой контингентъ всякимъ канцеляріямъ и департаментамъ. 3) Молодые люди, дѣйствительно занимавшіеся наукою съ любовью: изъ нихъ, особенно изъ безеннокоштныхъ, набирались учителя гимназій. Этого рода студенты были, такъ сказать, интеллигенціей университета. Въ тѣ времена между ними господствовала наклонность къ идеализму и въ большой мѣрѣ было заниматься философійю. Успѣвшіе познакомиться съ нѣмецкимъ языкомъ, съ жадностью читали нѣмецкихъ философовъ, хотя по тѣнотѣ послѣднихъ не всегда ясно постигали читаемое и увлекались въ всевозможные произвольные толкованія и системы. Наконецъ 4) люди не настолько богатые, чтобы помѣщаться у профессоровъ и не настолько трудолюбивые и даровитые, чтобы успѣшно заниматься наукою, они жили и вели себя какъ попало; многіе предавались кутежамъ всякаго рода; иные сидѣли скромно за книгами въ уютныхъ квартирахъ, стараясь пробраться на экзаменахъ вслѣдъ за богатыми пансіонерами; ихъ судьба часто зависѣла отъ случая: иному вывозило и онъ кончалъ курсъ счастливо, другой обрѣзывался на экзаменѣ и долженъ былъ сидѣть лишній годъ на одномъ курсѣ, жалуясь на несправедливость профессоровъ, выпускавшихъ въ дѣйствительные студенты или канди-

изъ профессорскихъ пансіонеровъ и строго относившихся къ тѣмъ, у кого не было протекціи. Замѣтимъ, что въ тѣ времена не было между студентами такой поражающей бѣдности, какую мы встрѣчаемъ теперь, быть можетъ, по причинѣ сравнительной дешевизны того времени ¹⁾“.

Нѣкоторые изъ студентовъ Харьковскаго университета оставили воспоминанія о своемъ пребываніи въ университетѣ и эти воспоминанія даютъ намъ яркое, наглядное представленіе о типическихъ представителяхъ тогдашней студенческой среды—объ ихъ занятіяхъ, научнолитературныхъ интересахъ и т. п.

Вотъ какъ проводилъ свои студенческіе годы знаменитый впоследствии русскій историкъ Николай Ивановичъ Костомаровъ, который прежде всего описываетъ свой вступительный экзаменъ, къ которому онъ подготовился весьма добросовѣстно.

„По окончаніи курса гимназіи, говоритъ Н. И. Костомаровъ, мнѣ, 16-ти лѣтъ отъ роду, приходилось вступать въ университетъ; но тутъ то я почувствовалъ, что слабъ въ математикѣ да и при всемъ желаніи не могъ быть въ ней силенъ, когда учитель ничего не преподавалъ. Я пригласилъ для своей подготовки сосѣда, бывшаго инженера, жившагося въ то время на дочери помѣщика въ той же слободѣ. Мой новый учитель оказался вполне хорошимъ и въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, занимаясь каждый день съ утра до вечера, я успѣлъ выучить почти весь курсъ того, что нужно было для вступительнаго экзамена въ университетъ. Учитель прошелъ со мною и коническія сѣченія, которыя тогда требовались.

Въ половинѣ августа 1833 года, со страхомъ и трепетомъ, я отправился въ Харьковъ съ матерью и моимъ учителемъ. Вступительный экзаменъ сошелъ какъ нельзя болѣе благополучно. Профессоръ математики Павловскій, отличавшійся, какъ о немъ говорили, большою строгостью и неснисходительностью, пропустилъ меня, записавши мнѣ хорошій баллъ. Радость моя была непомѣрная“. И такъ, на порогѣ университета молодымъ людямъ, не имѣвшимъ особой протекціи, нужно было выдержать серьезный испусъ въ видѣ вступительнаго экзамена.

Въ гимназіи Н. И. Костомаровъ не особенно успѣлъ въ древнихъ языкахъ, но въ университетѣ обратилъ на нихъ особенное вниманіе. „Въ первый годъ моего пребыванія въ университетѣ, говоритъ Н. И., я усиленно занялся изученіемъ языковъ, особенно латинскаго, *который я очень полюбилъ*, и вообще меня сталъ сильно привлекать античный

¹⁾ Литер. наслѣдіе, стр. 25—24.

міръ. Воображеніе мое постоянно обращалось къ Греціи и Риму, къ богамъ, героямъ, къ ихъ литературѣ и памятникамъ искусствъ. Однажды читая Иліаду въ *подлинникъ* съ переводомъ Гнѣдича, мнѣ вздумалось разыграть въ лицахъ сцену, какъ Ахиллъ волочилъ тѣло Гектора вокругъ Эліона. Я подговорилъ своихъ товарищей, мы нашли маленькую повозочку, на которой няньки возили дѣтей Сокальскаго, я успѣлъ привязать меня за ноги къ этой повозочкѣ, одинъ изъ моихъ товарищей сталъ играть роль Ахилла и потащилъ меня внизъ по деревянной лѣстницѣ флигеля, гдѣ мы жили, а двое другихъ, покрывши головы по женски, стали на террасѣ того же флигеля и представляли Гекубу и Андромачу. Меня поволокли съ лѣстницы по двору. Ступагамъ и крикъ дошли до ушей Сокальскаго, который въ то время сидѣлъ съ гостями; онъ выбѣжалъ на дворъ, за нимъ—его гости, профессоры, бывшіе у него. Увидавши неожиданную сцену, Сокальскій сначала принялъ суровый менторскій тонъ, но потомъ, узнавши, въ чемъ дѣло, не вытерпѣлъ и захохоталъ во все горло. За нимъ начали смѣяться и его гости. Меня развязали и замѣтили, что голова моя была въ крови, какъ впрочемъ и слѣдовало по Иліадѣ, гдѣ говорится:

... Глава Пріаида,

Прежде прекрасная, бьется во прахъ...

Когда послѣ того мы пошли къ нему обѣдать, онъ во все продолженіе стола, глядя на меня, не могъ удержаться отъ смѣха и говорилъ своимъ домашнимъ: „вотъ угостили меня! Дали возможность видеть древность въ лицахъ!“.

Попечитель Филатьевъ оставилъ Харьковъ, не утвердивъ своей подписью списка лицъ, выдержавшихъ вступительный экзамень и зачисленныхъ въ студенты. Въ числѣ этихъ неутвержденныхъ былъ и Н. И. Костомаровъ. Имъ, такимъ образомъ, нельзя было ни слушать лекцій, ни держать переходнаго экзамена. Въ виду этого незадолго до Пасхи Н. И. Костомаровъ уѣхалъ въ деревню къ матери и сумѣлъ прекрасно и разумно воспользоваться своимъ деревенскимъ досугомъ. „Никогда въ жизни, пишетъ онъ, я до такой степени не сближался съ сельскою природою, какъ въ это время, тѣмъ болѣе что со времени смерти моего отца никогда не жилъ въ деревнѣ въ весенніе мѣсяцы и въ началѣ лѣта. Меня занимала каждая травка, каждый цвѣтокъ, каждая птичка и букашка. Между тѣмъ въ деревнѣ я продолжалъ учиться по латыни и по французски, такъ что къ концу лѣта могъ уже свободно читать *à livre ouvert* всякія французскія книги и прочелъ въ это время Notre Dame Гюго, книгу, извѣстную по трудности языка, наполненнаго разными архаизмами. Эта книга сдѣлала на меня болѣ-